

Нос у Лыкова был сломан трижды. Первый раз — ещё в техникуме, когда занимался он в секции бокса. Прикатило прямым ударом на районных соревнованиях в Судогде. Ужасно больно. Хотя никаких обид, бой Лыков выиграл даже не по очкам, а самым настоящим что ни на есть нокаутом. В его тогдашней весовой категории, до шестидесяти трёх с половиной килограммов, это вообще редкость. Тренер после соревнований посадил Лыкова в “Жигули” седьмой модели и повёз в Москву, в институт красоты, где была докторица знакомая. У них запись на год вперёд, а парня без очереди — и сразу в кресло. Вправила там, что надо, тампоны вставила, всё срослось. Хороший был тренер. Убили в девяностые.

Второй раз нос ему сломали рукояткой пистолета во Владимире, уже в нулевых. Лыков тогда хорошо зарабатывал, хоть и не по профессии. Торговал бухлом и сигаретами в ларьке перед вокзалом. Другой работы не было. Как-то в июне, в субботу, в районе часа ночи сдал сменщику вахту в ларьке, да и намылился ехать домой в Чмарёво. Городские автобусы так

поздно на Судогду уже не ходили. Лыкову пришлось ловить тачку. Потому и заранее со сменщиком договорился, если тот опаздывает, по десять баксов за час вынь да положь. Тот и платил. И в этот раз двадцатку отслонявил, мол, прости, засиделся, футбол смотрел. У вокзала-то нормальные люди в такси не садятся, только если совсем приспичит с вещами. В три раза дороже получается. Лыков обычно поднимался по ступенькам к Богородицкому монастырю, это уже КГБ оттуда съехал, и ловил на Большой Московской. Там машин много. И в тот раз прошёл вдоль монастырской стены до дороги, ну, и на ту сторону. Переходил-то на зелёный, а эти хмыри на шестьсот двадцать шестой «Мазде» едва не сбили. Он им, понятно дело, кулак показал. Так они по тормозам и задом. С водительского места какой-то молодой выскочил, ей-богу, лет на десять моложе Лыкова. Светлые кучеряшки, лобешник широкий, а переносица тонкая. Сам в курточке с буквами на груди, как у школоты из американских фильмов, сынок папашкин, любимка мамкин. А Лыков, не будь дурак, сразу ему джебом в лоб, что церемониться? Он же прав по переходу на зелёный. Учить надо молодых. Положено.

А тот обсосыш, глаза такие голубые, чуть навывкате, головой тряхнул, да из-под мышки, где, видать, кобура была спрятана, достаёт волюну и прямо Лыкову в переносицу, между глаз. Как в кино американском. И держит, как будто в кадре собой любитесь, по-пижонски, плашмя, а не как правильно. Так, если стрелять придётся, ни в кого толком и не попадёшь. Попукаешь только, порохом навоняешь да насоришь гильзами. Наверное, газовый пестик, да какое там, вообще, скорее, пневматика. Но только проверять Лыков не стал. А этот, который молодой, ещё спрашивает, мол разнести тебе башку или как? И что ему ответить? Послал его Лыков на три буквы. А змеёныш рукояткой со всей дури прямо в нос, прыг в тачилу и увистал по Большой Московской в сторону Золотых ворот. Юшка из клова хлынула, так всё на рубашку. Лыков дорогу опять перешёл, стал в ворота монастыря стучаться. Манишка в крови, ну, точно белогвардейский офицер недорасстрелянный. Охранник услышал, отпер, головой покачал, но пустил и показал, как в уборную пройти. Полчаса в раковине плескался, пытался кровь остановить. Остановил. Сделал турундочки из туалетной бумаги, зачихнул в обе ноздри, так и вышел, на моржа похожий. Охранник увидал, заржал. Ничего. Тоже срослось за милую душу.

Третий раз нос Лыков сломал себе сам, в Египте, на курорте, куда ездил с Натальей Николаевной и детьми. Как-то нагрузился изрядно в баре на пляже и приспичило научиться на доске под парусом плавать. И так на неё, и эдак. Всё не устоять, сваливается. А пока заберёшься, тоже накувыркаешься. А у берега мелко, плита базальтовая, хрен разберёшь, только ежей морских полно. Решил коленкой доску прижать, да и забраться. В нём тогда уже центнер был. Прижал, но вырвалась, зараза, да как долбанёт ребром в переносицу. Неделю потом в тёмных очках на обед ходил.

Внешность у Лыкова и до этого случая была разбойничья: подбородок тяжёлый, лоб низкий, сам сутулый, бицепсы, трицепсы, банки грудных мышц, а тут от себя в зеркале чуть ли не шархался. Когда нос на сторону, по-доброму ни на кого уже не посмотришь. Ко всем бедам довеском ещё храпеть стал, и прегромко. А беды по возвращении из отпуска начались серьёзные. Пришёл к себе на моторно-тракторный, там всю сокращения и слухи, что закроют завод. Мужики собрались, пошли права качать, так его вместе со всеми, невзирая на стаж.

Наталья Николаевна привычно до того пилила, а только сократили, да же соседней перестала стесняться. Что не так, кричит, мол, она с высшим образованием на кассе в магазине целый день горбатится, а муж безделит. А ведь в доме, Лыковым же построенном, жила, на Лыковым заработанное да поднакопленное. Детей на лыковские деньги поднимала. Он же и бельё теперь стирал, и супы готовил. А что бы не сготовить, если всё равно днём дома, не надо спозаранку на автобус тащиться, чтобы во Владимир ехать. Только и делаешь, что в интернете объявления о вакансиях просматриваешь да резюме рассылаешь. Ну, и по хозяйству: обои в комнатах переклеил, новый оголовок на колодец поставил. Дети — близнецы-мальчишки, пусть не

его, а Натальи Николаевны от прошлого брака, но Лыковым с пелёнок воспитанные, оттого и родные. На руках отягченные, в шахматы играть обученные. Но как перешли оба в восьмой класс, стали, как их мать, называть Лыкова не папой, а по фамилии — Лыков. Вначале вроде забавным показалось, как шутка такая. А потом, когда слово “отец” из дома вовсе пропало, Лыков погрустнел. Мать — главный воспитатель, близнецы на неё смотрят.

Безоговорочно почитал за хозяина и был предан Лыкову только огромный кобель Лёня. Он был кудлатый, беспородный, дурной, но Лыков его любил. Привёз он щенка из командировки в Ярославль, куда однажды уехали с моторно-тракторного на наладочные работы. Вот там у гастронома и купил за рубль у местного алкаша. “Бери, мужик, — говорит, — отменный волкодав получится. Отец — кавказец, мать — московская сторожевая”. И казалось бы, зачем Лыкову волкодав? Но смотрел на него щенок из-под лохматых бровей такими чёрными блестящими пуговицами, что Лыков не выдержал. Неделю, что жили в местном общежитии, держал пушистика в коробке, на своей свёрнутой фланелевой рубашке, кормил настоящим собачьим кормом, который покупал в супермаркете. А привёз — сразу смастерил будку на вырост. Наталья Николаевна и близнецы к псу остались равнодушны, а мать полюбила. Она его Лёней и назвала. Говорила, напоминает ей брата Лёню, Лыковского дядю, — рыжего, лохматого мужика, помершего от панкреатита. Щенок матери отвечал взаимностью. И потом, когда вырос, к ней одной ластился, аж мурлыкал. Казалось бы, морда огромная, тупая, но не злая, а как лыбится, словно человек.

Иногда кобель перегрызал репшнур, которым был привязан, делал подкоп под забором и убежал по следу пустующих собачьих девиц. Не давал о себе знать дня по три-четыре, а то и неделю. Появлялся худой, грязный, но довольный. После этого Лыков для порядка лупил его по морде сложенным вчетверо брезентовым поводком и сажал на цепь. Для такого дела он даже купил эту цепь в местном промтоварном. Цепь Лёне не нравилась, да и Лыкова раздражало, что гремит. Но в воспитательных целях Лёня сидел на цепи регулярно.

Оказался лыковский пёс среди местных собак первым парнем на четыре деревни. То и дело, увидев очередного кудлатого барбоса, Лыков узнавал знакомую тупую морду и хитрую не то улыбку, не ухмылку. Деревенские приплод по привычке топили, неча дармоедов плодить. Но если видели, что отцом оказывался лыковский волкодав, одного из помёта оставляли. Больно хорошие псы получались.

Раз в неделю гладил Лыков рубашку и отправлялся на собеседования во Владимир. Электромехаников свободных после закрытия завода в городе было, как грязи, столько и не требуется, так он электриком пытался, пока не смекнул, что через агентства никакой нормальной работы не светит. Четыре месяца без результата. Хоть в столицу поезжай на стройку или охранником, как все.

В Чмарёво, где они с Натальей Николаевной жили, ещё как совхоз закрылся, никакой работы не стало. Разве на пилораме, да там всё друзья или родственники хозяйки, Людки Беленькой, его бывшей одноклассницы. Был бы муж её жив, договорились бы, а с Людкой общаться не хотел. Дурная баба. Можно, конечно, крыши крыть, заборы ставить дачникам. Но это только летом. А в остальное время кому крыть-то? Деревенские сами себе кроют, а если кого просят, так и неудобно денег больших брать. Не прокормиться.

Когда совсем становилось невмоготу, отстёгивал Лыков кобеля и под предлогом, что псу надо пробздеться, уходил в поля, где вначале и вправду гонял пса за палкой, пока не надоедало обоим. Тогда лесной дорогой поднимался до дальнего магазина, привязывал Лёню к стойке для велосипедов, брал бутылку и отправлялся к куму на кочегарку. Кочегарка, как и водонапорная башня, словно нависала над полем. Чуть правее и ниже — ржавый каркас бывшего сенохранилища, где после субботних дискотек обжималась молодёжь помладше и пыхтели, сняв штаны, те, что постарше. Облатками от использованных презервативов потом играли мелкие вертлявые сквознячки-смерчки.

— Припёрлись, разбойники, — радостно лыбился кум и тянулся к металлическому стеллажу, где всегда имелся припрятанный от крыс шмат солёного сала. Лёня укладывался тут же на уголь и лежал, уставив взгляд на топку. Они быстро справлялись с поллитрой, кум доставал ещё, и после, по традиции, шёл проводить Лыкова с Лёней до водокачки. Там они курили и говорили на сельскохозяйственные темы. Лыков обычно сетовал на развал и запустение, вспоминал, как ещё отец его распахивал эти поля на тракторе под подсолнечник.

— А с хера ли? — кум обводил рукой заросший сорняком пейзаж. — Что сажать-то? Репу какую? Картошку? На хер кому она сдалась! Пшеницу? Рожь? Сгниёт к херам. У нас тут эта, как его... — кум чесал затылок. — Во! Зона рискованного земледелия. У нас только кормовые сорта всякой параша можно сажать. Херов турнепс да херов подсолнух. Чтобы не сильно заботиться, вызреет или не вызреет. Если не вызреет, так ботву пожрут.

— Кто пожрёт? — не очень понимал Лыков.

— Да хоть кто. Хоть свиньи, хоть коровы, — кум показал на пустые окна корпусов фермы. — Хоть ты — на закусь. Тебе же всё равно, чем закусывать.

— Так нет же коров, — невпопад удивлялся Лыков, думающий уже о чём-то своём.

— Вот теперь и нет. А раньше были. Потому что порядок был и народное добро. А теперь народное говно. Идите уже, — выстреливал он щелчком окурка в ноябрьское небо и толкал Лыкова в бок, а потом смотрел, как мелькает среди озябшей инеем травы серая холка Лёни.

Наталья Николаевна эти походы на кочегарку не одобряла, как и вообще в последнее время любые проявления мужниной самостоятельности. Как всякая женщина, она переживала потерю Лыковым работы, и в её голове профессионального экономиста шла двойная запись по поводу семейного бюджета. Лыковское бытовое пьянство в ту запись вносило дезорганизацию и хаос.

Но как-то кум, качая головой на лыковские сетования, надоумил подать объявления на бесплатном сервере, мол, что менжуешься: “Заполни эту херню там со строчками, имя, сука, фамилия. Пиши про парашу свою всякую, мол, выполняются все виды электрических и механических работ, двадцатилетний опыт, русский, сука, непьющий”. И заржал. А Лыков, пока шёл с псом к себе, про то покумекал, да и сделал, как кум посоветовал, даже про непьющего загнул. Хотя — кто видел непьющего электрика? Да, выпивающий. Так ведь не запойный! За всю жизнь случая никто не упомнит, чтобы Лыков по пьяному делу на работу не вышел или что напортачил. И ведь поёрли заказы!

Вначале по мелочам: щиток поменять, найти обрыв провода, прокинуть воздушку от дома к бане. От крупных, вроде замены всей проводки в ангаре, сам отказывался, опыта набирался. Летом уже в “Пятёрочке” в Судогде разводку делал. После того заказа купил подержанный лёгкий мотоцикл, чтобы к клиентам ездить. Прикурил стальную раму, на неё тачку дюралевою, втулку от велосипеда, велосипедное же колесо, чтобы можно было проводами да инструментом нагружать. Скорость не разовьёшь, а килограмм восемьдесят разного хлама всяко довезёшь-докатишь. А как стал по всему району ездить, поклеил объявления и на столбах. На повороте с Муромского шоссе к Судогде углядел на опушке щит деревянный, на котором надпись: “ПЕЧНИК!” — и телефон. Рядом своё объявление повесил: “ЭЛЕКТРИК!” — такой же — после поворота на Трухачёво с объездной. За полгода рассчитался с долгами по кредиту.

А тут в апреле позвонили из райцентра, мол, требуется в лабораторном корпусе больницы сменить всю проводку, три фазы ввести, ну, и так, по мелочам. Дескать, прошлый электрик запил, надо доделать. Лыков приехал, побродил с прорабом-азербайджанцем по комнатам, потрогал всякие провода на скрутке и прикинул, что с одного заказа сможет добавить и купить себе семилетнего “джили”, а это пусть китайский, но настоящий автомобиль. Такой, если что, самому и отремонтировать можно. Главное, пусть не

обманут, а заплатят, а то всякое бывает. Прораб вроде понятливый попался, опытный.

— Не бойся, — говорит, — мы с тобой договор подряда подпишем. Всё честь по чести, даже налоги удержим.

И ведь подписали: Лыков, то да сё, паспортные данные, обязуюсь туда-сюда, стоимость работ определена, сумма прописью, от руки цифрами прорабом вписано “сто пятьдесят тысяч рублей”, срок действия, особые условия. Два экземпляра, каждый по пять страниц. Сразу и ведомость заполнил.

— Дату не ставь. Сегодня и завтра в офисе никого нет, послезавтра печать поставлю, можешь пока начинать.

На следующий день Лыков приехал с перфоратором, принялся штробить каналы под кабели. Там, где штукатурка толстая, легко шло, быстро, а где тонкая — там кирпич, и потому медленно. Проваландался часов тринадцать без перерыва. Сам весь в кирпичной муке, а не помыться: стояки перекрыты. До дома добрался, воду на плите нагрел, в бане окатился, свалился спать, что убитый. Наутро наскоро позавтракал, сел на мотоцикл, поехал опять на автомобиль зарабатывать.

В перерыв сбегал в “Пятёрочку”, в которой в прошлом году разводку делал, взял кефир, холодные сырники и винегрет. Вернулся в лабораторный, пошел на крыльце, поел, пожурился на весеннее солнце, представил, как посадит жену и детей в “джили” и повезёт в Суздаль, а потом, глядишь, и в Москву. Жена давно на Арбат просится. Надо только сразу всю электрику в автомобиле заменить. Если ходовая у китайцев ещё туда-сюда, то электрика ни к чёрту. В этих мыслях Лыков поднялся по лестнице на второй этаж, к тому месту, где оставил инструмент, нацепил на плечо сумку со всем хозяйством, взял со стула перфоратор и только сделал шаг в коридор, ведущий к дальней лаборатории, как чуть ли не столкнулся лбом с выходящим из коридора невысоким мужиком в кожаной куртке поверх костюма, с папкой подмышкой и зарядкой от телефона в руках. Охнул от неожиданности. Извинился.

Мужик зыркнул на Лыкова начальственно, так что тот, отпрянув в сторону, позволил пройти на середину комнаты. Там мужик остановился, оглянулся по сторонам, вздохнул, раскрыл папочку и пошелестел листочками.

— Мне нужен Лыков Альберт Михайлович.

— Я Лыков, — Лыков осторожно опустил перфоратор на стул.

— Прекрасно. Так как дальше думаете, Альберт Михайлович?

— Думаю, завтра со штробой закончу, так можно и кабель трёхфазный подвозить.

— О штробе да о кабеле раньше надо было думать, Альберт Михайлович. Теперь поздно. — Мужик нехорошо улыбнулся, и Лыкову показалось, что где-то он его раньше уже видел.

— Это в каком смысле?

— А в таком. Следователь прокуратуры Астудин Алексей Иванович, — представился мужик, махнув перед лицом Лыкова корочкой удостоверения. — Вами от ИП “Хачатуров” ещё в прошлом году получен аванс в размере двух миллионов ста пятидесяти тысяч рублей на выполнение работ по организации электропитания согласно смете. Работы, как мы видим, не выполнены.

— Так я же... — попытался вставить Лыков.

— Не выполнены, не выполнены, — мужик обвёл рукой комнату со строительным мусором и свисающей с потолка лапшой старой проводки. — Соответственно, договор подлежит расторжению, а денежная сумма возврата. Можете подтвердить свою подпись?

Лыков растерянно глянул в бумаги. Это был тот самый, вчерашний договор на пяти листах. Только перед давешней суммой, той же рукой и теми же чернилами было приписано: “два миллиона”. А там, где дата, стоял март прошлого года.

Лыков неуверенно промычал что-то вроде того, что он не уверен, но следователь уже продолжал:

— А вот заявление на имя прокурора от гражданина Хачатурова Алима Абидовича о том, что гражданин Лыков не выполнил работы по договору-

подрядку и присвоил себе аванс в размере двух миллионов рублей, отпущенных на закупку материалов. Вы закупили материалы, Альберт Михайлович?

Лыков не знал, что ответить. Он начал осознать, что его втянули в страшную аферу, и решил, что лучше для него будет молчать.

Следователь ещё что-то говорил, называл номера статей, перебирал документы в папке, что-то демонстрировал стоящему перед ним с ссутуленными плечами огромному Лыкову. И солнечный свет, отразившийся от стёкол больничного корпуса напротив, падал на волнистые светлые волосы следователя, от чего волосы казались переплетением тончайших вольтовых дуг над высоким лбом, а само лицо следователя — иконописным. Лыков вдруг вспомнил, где видел этот широкий лоб, нос с тонкой переносицей и эти, в морщинках по кругу, чуть навывкате голубые глаза. Пусть видел их только несколько секунд перед ударом рукояткой пистолета в нос. Да! Это был он, тот молодой, из “мазды”, что лет пятнадцать назад едва не сбил его напротив ворот Богородицкого монастыря, а потом ударил, но оттого и сфотографировался в памяти Лыкова. Лыков странным образом часто вспоминал этого парня. Всякий раз, когда речь в компании заходила о новых хозяевах жизни, ему припоминалось это лицо, губы, кривящиеся в нехорошей улыбке, пустые голубые глаза, морщинки вокруг глаз, курточка с буквами на груди и коронкой, искрящаяся переливчатой краской новенькая “мазда”.

И вот он, тот борзый, только уже не такой молодой, лет тридцать пять ему уже. И опять уверен, что имеет право, при власти и при силе, в хорошем костюме, с корочкой в кармане. И уже всё решено, всё посчитано, сколько можно взять за шкуру, которую с Лыкова вот-вот сдерут. Много на таком не наживёшься, но миллион по родственникам да друзьям соберёт, продаст что попримечнее, хоть тот же инструмент. И тогда — да-да! — тогда можно попробовать не возбуждать дело, хотя правонарушение, конечно, налицо, все доказательства налицо, подпись вот, вот отпечатки, вот свидетельские показания, вот корешки квитанций, вот ещё сотни других бумажек, по которым ясно, что закон торжествует опять. Есть принятые между своими цены: столько тому, столько этому, третьему, четвёртому, тому, кто навёл, начальнику отдела, ещё какой-нибудь шишке, чтобы глаза закрыл. И себе милому, образованному, с аккуратной стрижкой, на новую машину, на костюм новый, на ботиночки итальянские кожаные ручной работы. А то ведь обувь горит, приходится стаптывать, царапать по стройкам да шарпать по всякой другой грязи, куда отбившиеся от стада бараны, дураки дураками, забредают, коих отары пасут и пасут со строгим лицом и правдой, идущей от времени и должности.

— И очень рекомендую подумать и найти аргументы в свою защиту, вот мой телефон.

Кусочек бумажки, с визитку размером, на принтере цифра напечатана. А ведь дорого оценил! Полтора миллиона рублей. Лыков даже азарт почувствовал. Значит, цена ему не “тыща в базарный день”, как давеча Наталья Николаевна выразилась, в очередной раз браня за ерунду при детях. Не тыща! Полтора миллиона! Вполне нормальная сумма за русскую душу. Когда ещё нас дороже покупали? Чай, не финн какой, не эстонец. И понятно, кто продавец, баклахан этот, который по объявлению звонил да на работу принимал, — Алим, сука, Абидович. Ай, молодец какой! То-то спрашивал, далеко ли на работу ездить, есть ли машина. Лыков ему на голубом глазу выложил всё, что за душой, про то, что накопил уже почти, ещё чуть-чуть — и купит “китайца”. А тот кивает, по плечу хлопает, лыбится. Зубы золотые. Таких сейчас и нет ни у кого, все себе нормальные вставили.

Лыков, как те золотые зубы у прораба разглядел, сразу Людку Пухову вспомнил, одноклассницу свою. Той тоже летом после седьмого класса родачки золотой зуб справили, хотели, чтобы соответствовала. Папашка — директор совхоза, мамка — училка, химию у них в школе вела. А Людка песни пела на гитаре. Про солнышко лесное пела, про костёр, про каргополочку какую-то. Костры и сейчас палят. Вот ночами на Войнинге сидели с пацанами да девчонками. Людка поёт, костром освещена. И зуб этот золотой сверкает. Как не влюбиться? А тут Ашот этот или Алим. И вся верхняя челюсть в золоте. Сука черножопая, придумал нажиться на мужике!

— Не рекомендую сильно размышлять. Дело ваше простое. Не конец квартала, но показатели важны. И не только нам, но и суду. Потому приеду завтра в это же время, на том же автобусе. Надеюсь, предоставите неопровержимые доказательства своей невиновности. Иначе, сами понимаете, закон и государственность превыше даже личной симпатии.

Папочку закрыл. Руку, гнида, протянул для прощания. Лыков автоматически пожал. Сухая рука, твёрдая, уверенная, тёплая.

— Проводите меня, Альберт Михайлович, боюсь заплутать в ваших катакомбах.

Лыков кивнул в сторону выхода. Следователь улыбнулся и бодро зашагал вперёд. По загаженной извёстковой лестнице спустились на первый этаж.

— И как вы в этом безобразии ориентируетесь, — успел сказать следователь, перед тем как рухнуть в кучу штукатурки.

Совковую лопату с подтёками цемента Лыков прихватил ещё на втором этаже. Она стояла, прислонённая к дверному косяку у входа в коридор. Не то, чтобы он что-то решил. Он просто протянул руку, сжал древко, подбросил, почувствовав вес, и пошёл дальше. После первого пролёта он уже знал. И когда следователь чуть притормозил у входа в коридор, ведущий в холл лабораторного корпуса, пнул носком кожаного ботинка кусок кирпича, Лыков уже был уверен. Удар пришёлся в затылок. Это был сильный удар с хорошим размахом. Лыков ждал, что лопата зазвенит подобно колоколу, но всё произошло в полной тишине. Даже упал тот в полной тишине. Лишь шелест, хруст штукатурки. Ни стопа, ни звона, ни крика.

Лыков бросился наверх, туда, где оставил сумку. Пошурудил в поисках мотка изолирующего скотча, нашёл. Сунул в карман комбеза вместе с пучком пластиковых хомутов. Бегом обратно. Следователь лежал, где его оставил Лыков, у входа в коридор, коленками в сторону перил. На мгновение Лыков замешкался, не решив, что делать сперва: связать руки или заклеить рот, но словно что-то ему подсказало, он оторвал кусок серебристого скотча и залепил следователю губы. Потом уже трясушимися пальцами вдел хвостик во втулку пластикового хомута и затянул на запястьях. Ноги Лыков смотал тряпичным ремнём, вынутым из собственного комбинезона. Ошлёпал карманы человека, нашёл разряженный телефон в кармане брюк, удостоверение и портмоне. Сунул к себе в нагрудный карман. После подценил бесчувственное тело за воротник и затащил в небольшую каморку под лестницей, где раньше держали реактивы. Даже стеллаж с баночками и флаконами сохранился. Ключей у Лыкова не было, и он просто привалил дверь мешком цемента.

Стрелки показывали два часа дня. Лыков заправил наручные часы обратно под манжет, пальцы дрожали. Сейчас бы сигарету, но он бросил курить десять лет назад. Лыков потряс кистями рук, широко растопырил ладони и несколько раз с силой сжал кулаки, потом сделал глубокий вдох, задержал дыхание, медленно, через сложенные трубочкой губы выдохнул. Этому его научил молодой лейтёха ещё в учебке, теперь он так успокаивался после ссор с Натальей Николаевной. В ушах шумело, как после двух чашек крепкого кофе. Сквозь закрытые двойные рамы на лестницу проникал с улицы звук отбойного молотка. Дорожные рабочие с раннего утра курочили бордюры вдоль больничного сквера. Лыков миновал тёмный вестибюль с окрашенными краской стёклами, толкнул дверь и вышел во двор. Мотоцикл он ещё утром оставил рядом со входом, возле огромного контейнера со строительным мусором, перекрывающим вид на больничный корпус. Напротив двери были свалены строительные леса, на которых, видимо, ещё с зимы, кисло несколько комплектов рабочей одежды. Сразу за лесами — ряд кустов в облаке нежной зелени только-только лопнувших почек. С этой стороны дверь с улицы тоже не просматривалась. К долбёжке пневмомолотка добавились гортанные крики на нерусском языке под шипение и лязг дорожной катерпилларовской фрезы, срезающей старый асфальт на улице Ленина между Малым Красным и Большим Советским переулками.

Всё, что делал дальше Лыков, он делал автоматически, словно бы наблюдая за собой со стороны. Вот он толкает мотоцикл вплотную к дверям

лабораторного корпуса. Вот он стоит возле двери в каморку с реактивами, прислушивается, не различимы ли звуки изнутри. Вот он проходит внутрь, наклоняется и взваливает на плечо лежащего без сознания связанного человека. Человек лёгкий, не больше семидесяти килограммов. Вот он подходит к двери и вытягивает шею, вновь оглядывая пространство перед корпусом. Никого нет, и он опускает связанного человека в дюралевую коляску, закидывает сверху заляпанными краской куртками и комбинезонами, предварительно снятыми с лесов. Вот он закрепляет содержимое коляски ремнями. Вот возвращается в корпус и осматривает лестницу, коридор и кладовку в поисках каких-нибудь мелочей, выпавших из карманов. Вот достаёт со стеллажа стеклянную бутылку с каким-то реактивом и бросает на пол кладовки. Вот смотрит, как под ногами шипит и пузырится строительная пыль. Вот он закрывает дверь в корпус, садится на мотоцикл и заводит двигатель. Делает несколько перегазовок, выезжает со двора лабораторного корпуса и качается на колдобинах разбитой дорожки к задним воротам, где мусорные контейнеры, чтобы мимо морга попасть на Красную улицу. А вот уже катит по Красной, сворачивает на Второй Первомайский, потом на Ленина, где только что сняли старое дорожное покрытие. Там пахнет смолой и горячим асфальтом. Потом до Карла Маркса, мимо рынка до Халтурина и уже на выезд из города. А день такой радостный, и солнце совсем горячее, и девочки-школьницы несут куртки в руках, и аллея старых лиственниц, посаженных сотню лет назад чуть ли не самим лесопромышленником Храповицким, уже опять в салатовой дымке.

Лыков ехал медленно, не больше тридцати километров в час, лёгкий “Спутник” с трудом тянул, нагруженный сверх всякой меры. После Муромского шоссе дорога поднималась в горку, и Лыков опасался, что вот-вот мотоцикл заглохнет. Но нет, старая надёжная система, наследница ещё немецкого ДКВ, с двухтактным стадвадцатипятикубовым движком не подвела.

В Лухтоново, сразу поворота на интернат, мотоцикл вдруг закачало. Разомлевший от солнечного тепла и весенних запахов, Лыков на время забыл о человеке в коляске. Не доехав до развилки на Смыково, он свернул на укатанную грунтовую дорогу, идущую по краю поля и чуть углубился в молодой березняк, чтобы скрыться от проезжающих по шоссе: не хватало ещё встретить кого-нибудь из знакомых. Только он заглушил двигатель, как сразу услышал мычание из-под комбинезонов. Лыков слез, обошёл коляску и, не распуская удерживающие груз ремни, несколько раз с силой ударил туда, где по его расчёту, находилась голова человека. Послышался стон.

— Сука! Повихляйся ещё! Убью! — сказал он громко, почти крикнул, чтобы точно быть услышанным. Подождал немного и ударил локтём посередине, в корпус. Человек под тряпками охнул.

— Утоплю, не заткнёшься. Утоплю, с водолазами не найдут.

Он угрожающе и неизобретательно выматерился, после чего харкнул себе же под ноги, попал на носок ботинка и от того вновь заматюгался. Человек затаил. Лыков постоял, послушал, потом отошёл подальше от мотоцикла, расстегнул ширинку и помочился в кусты, почему-то стесняясь журчания. Мимо по дороге протарахтел трактор с прицепом, полным обрезков с Чмарёвской пиломармы. Человек в кабине заметил Лыкова, признал и махнул в открытую форточку. Тот демонстративно застегнул ширинку и помахал в ответ. А что? Нормально, не дотерпел мужик, заехал по нужде. С кем не бывает. Он завёл мотоцикл, развернулся на развилке и вновь выбрался на асфальт, вдруг сообразив, куда везти связанного человека. До этого мига он ехал наугад, в сторону дома, просто потому, что дома вся сила. Но теперь в голове, проветренной дорогой, чуть пьяной запахами прошлогоднего разогретого сена, появилось нечто, пусть отдалённо, но напоминающее план. Лыкова, словно ладан, успокоил дым от подожжённой по краям дороги травы, полегшей ещё в прошлом ноябре. От всей этой околесицы звуков и запахов ранней мещерской весны хотелось жить.

Село Чмарёво, будто сидящее на корточках перед церковью, вдруг разрослось в семидесятые, захватив окрестные деревни от Селядино до Радостево и уже зданием бывшей совхозной котельной и водокачкой нависало над

Подольем. Это в нулевых, в самых подлых, администрация переехала в Лаврово. До того руководство совхоза и местный совет депутатов распологались в Чмарёво. Чмарёвское мясомолочное производство из года в год оказывалось в числе первых в области. Если вдруг чмарёвцы в соцсоревновании не завоевывали переходящее Красное Знамя, то всяко оказывались в передовых хозяйствах. После перестройки, прошедшей ржавой косой по всей средней полосе Руси, раньше богатое предприятие не то, чтобы разорилось, а вдруг стало ненужным и за два года растеряло людей и ресурсы. Огромная, в шесть коровников, совхозная ферма закрылась и была продана кому-то необязательному и случайному. Некогда моторизованный ток, перерабатывающий кукурузу и подсолнечник, что грузовиками свозили с полей, столетиями до того возделываемых чмарёвцами в междуречье Судогды и Войнинги, вначале просто остановился. А потом вдруг залистопадил с огромной своей верхотуры ржавым кровельным железом, лопнул у основания пахнущими отработкой кожухами механизмов и раскидал по округе огромные, кованные ещё в советском государстве зубчатые колёса червячных передач.

Чужие люди из года в год приезжали на грузовиках и собирали то, что им приглянулось, а свои не смели забрать из умершего хозяйства ни гвоздя. Лишь когда уже заработала в корпусах бывшей машинно-тракторной станции пилорама, когда на площадке, некогда служившей для сортировки зерна, стали тесать на продажу срубы, местные — чмарёвцы, радостевцы, селядинцы и даже подольцы — приноровились забираться в совхозные владения кто за досками, кто за каким нужным в хозяйстве железом.

Однажды некто из безликих в своей нерадивости новых хозяев обнёс территорию фермы профнастилом и злой колючей проволокой. Походы чмарёвцев и подольцев прекратились. Но селядинцы, живущие у самого забора, лазейки знали и время от времени делали набег на бывшее общественное, а ныне невесть кого имущество. Свой личный проход имелся и у Лыкова. Его участок, как и распаханное в ничейной земле картофельное поле, граничил непосредственно с бывшей фермой. Лыков ещё по осени выкрутил винты в заборе и при надобности аккуратно отставлял в сторону целый сегмент ограждения. Последний раз он ходил на ферму в октябре, когда искал кое-нибудь длинное высушенное бревно, чтобы поддомкратить бетонное кольцо на яму для септика. Место, куда теперь Лыков решил отвезти связанного человека, он заметил тогда же. Оно находилось во втором от лыковского участка корпусе фермы. Справа при входе — весовая, а слева, сразу от тамбура, за обитой жёстью дверью, — бывшее кухонное помещение, потом небольшой коридорчик, раздевалка для доярок, потом туалет и душевая. Совхоз богатый. В уборной некогда стояли импортные польские унитазы голубого фаянса. Их-то и сняли первыми. Потом вытащили холодильник, четырёхконфорочную газовую плиту, польскую же раковину. Кто-то знал, что они там есть. Потом, не то случайно, не то специально, чтобы оставить ещё на другой раз, завалили дверь досками и всяким хламом. Оставили, а сами либо забыли, либо просто спинули в удалой перестроечной хмари.

Мимо этой двери Лыков проходил раз двадцать. Эта дверь оказывалась в стороне от самого внимательного взгляда. Когда рыщешь в поисках полезного, проникаешь снаружи в темень тамбура, сразу идёшь на свет, в коридор, куда выходят узкие окна стойла. Так с чего бы смотреть налево? Только вперёд! Если и посмотришь, что там может быть? Ну, щиток электрический с выдранными пакетниками или пустой шкаф-кладовка для инвентаря.

Лыков решил, что отвезёт связанного человека в эти комнаты. Он ещё не придумал, что потом, но страх и растерянность уже покинули его. Нужно успеть всё сделать до возвращаения из школы близнецов. Лыков отправился к дому не по своему обычному пути, через деревню, по улице Мелиораторов, а мимо озера, что было сокрыто за задними окончатиями чмарёвских и селядинских огородов и окружено небольшой рощицей. Дорога, вовсе не проездная ранней весной, к майским кое-как подсыхала. В этом же апреле, удивившем двадцатиградусной жарой ещё на третий день Пасхи, к двадцатым числам все, кто на велосипедах, кто на скутерах, уже катались этим

путём в магазин. Только на легковушках миновать разлившуюся на повороте между прудом и озером лужу было как-то несподручно.

Лыкову повезло: дома никого не было. Близнецы — в школе, жена — на работе в магазине. Кобель Лёня сонно бухнул пару раз из будки, обозначив своё присутствие. Лыков загнал мотоцикл во двор и, спешно затворив ворота, опустил щеколду. Когда через час он, аккуратно приподняв три метра блестящего профнастила, прикрученного к обрезной, изготовленной тут же, на пилораме, доске, вернулся в свой сад, на дворе, кроме спящего третью вечность кудлатого кобеля, никого не было.

Лыков отпер дом, щёлкнул пультотелевизора, включив дневное шоу с нервными людьми, достал из холодильника кастрюлю с борщом, налил в ковшик (Наталья Николаевна не любила, когда Лыков разогревал целую кастрюлю, всякий раз пеняя ему) и поставил на газ. Поел, помыл за собой посуду. Через полчаса он уже вновь штробил стены в лабораторном корпусе.

2

До позднего вечера Лыков работал с перфоратором и закончил только, когда за окнами почти стемнело. Он убрал в кейс пахнущую горячей пластмассой “макиту” и позвонил Алим. Тот ответил только после пятнадцатого гудка.

— Это Лыков, Алим Абидович, я по поводу...

— Э! Не звони сюда! Люди отдыхают, чего трезвонишь? — не дал ему договорить прораб.

— Так я по работе...

— Не звони, сказал. Напортачил, сам разбирайся!

Раздались гудки. Алим явно предполагал, что Лыков звонит после встречи со следователем с намерениями потребовать справедливости.

— А вот накося, выкуси, чурбан нерусский, — со злорадством прошипел Лыков.

“Штробление закончил. Можно вести кабель и клеммники. Жду договор”, — набрал он в мессенджере.

Лыков видел, что его послание прочитано. Но ответа не последовало. Лыков усмехнулся и сунул телефон в карман.

— Давай-давай! Понервничай теперь, — вслух пригрозил Лыков и потащил инструмент на выход.

Когда мотоцикл вырулил на Карла Маркса, уже зажглись лампочки на столбах. Напротив рынка в свете витрины винного магазина стояло несколько раздолбанных авто с открытыми дверями. Возле них стояли не то азербайджанцы, не то дагестанцы, не то и вовсе чечены (Лыков их не различал), громко и гортанно о чём-то спорили, ожесточённо жестикулируя. В армии Лыков довольно быстро разобрался, кто узбек, кто таджик, а кто среди всей этой валяющей дурака массы среднеазиатов киргиз, но кавказцы казались ему все на одно лицо. И померещилось, что среди споривших был и Алим.

За Лаврово фонари вдоль дороги заканчивались. Лыков ехал в темноте, свет от светодиодной лампочки, которую Лыков вставил вместо перегоревшей штатной галогенки в переднюю фару, то и дело резко выхватывал из темноты рыжие столбы сосен. Лыков представлял, как прораб звонит подельнику, как тот не отвечает. Как Алим вновь и вновь набирает номер из записной книжки своего айфона. Как пишет сообщение: “Как дела? Дай знать!” А в ответ — молчание.

Если днём Лыкова подташнивало от неожиданно свалившейся на него беды, то сейчас ему хотелось кричать от восторга. Чувство превосходства над врагом лопалось внутри сотней тысяч газовых пузырьков. Ему уже хотелось под пальцами почувствовать толстую шею Алима, надавить на кадык, чтобы услышать хрипы и свист последнего вырывающегося из ненавистной глотки воздуха.

— А-а-а! — вдруг завопил во всё горло Лыков, приподнявшись в седле мотоцикла и выбросив вверх руку, словно сжимая невидимый клинок. —

А-а-а! Ура-а-а! На-а-а! Суки драные! На-а-а! — орал Лыков в безумной ночной атаке и размахивал воображаемой шашкой.

Сзади крикнула полицейская сирена. Лыков чертыхнулся, притормозил и съехал на обочину.

— Ну-ка дыхни, — обратился к нему на “ты” широкомордый лейтенант, лет на пятнадцать младше Лыкова.

Лыков послушно дыхнул.

— Странно, вроде трезвый. А рожка пьяная. Ты что руками машешь?

— Плечо разминаю, — соврал Лыков, — не то застудил, не то потянул.

— А в коляске что?

Лыков слез, отпустил ремни и поднял брезент, показал инструмент.

— Хороший этот перфоратор, не ломается? — неожиданно спросил лейтенант, указав пальцем на кейс с “макитой”.

— Нормальный.

— А дыхни ещё раз.

Лыков дыхнул снова.

— Свободен, можешь ехать. Разминаться надо дома или на турнике, а не во время движения. Усёк?

Лыков молча кивнул.

— Ну и рожка, — покачал головой лейтенант, показал на свою переносицу и, не отдав честь, вернулся к машине.

Пока Лыков заново крепил ремни в коляске, гаишник гуднул сиреной и в несколько секунд скрылся за поворотом на Смыково.

— Ничего, ничего, до вас тоже доберёмся. Дайте срок! — Лыков махнул крест-накрест воображаемой саблей.

На всё Селядино, деревню в одну улицу, приходилось семь фонарей. Перегоревшие лампочки в них перестали менять ещё в перестройку. Худо-бедно освещали дорогу только три. Как-то ненастным воскресным утром девяносто третьего заезжие сборщики металла срезали даже кусок осветительного кабеля от трансформатора до Чмарёво. Пятнадцать лет после этого Селядино с наступлением ночи погружалось во тьму. Однажды перед очередными выборами приехала бригада, рабочие протянули новый кабель, заменили лампы и от каждой спустили вниз провод с выключателем. Лыковский фонарь был четвёртый от края деревни, у перекрёстка с дорогой, идущей через ток и бывшие совхозные мастерские. Свет от него в основном попадал на высокий жестяной забор пилорамы, крышу бывшей ремонтной мастерской и торцевую стенку коровника, где Лыков оставил связанного человека.

Обычно фонарь включал Лыков, но когда возвращался поздно, это делал кто-то из близнецов. В белом свете ртутной лампы обрезки досок, свалившиеся с тракторного прицепа, на котором каждое утро везли отходы с пилорамы, смотрелись среди жухлой прошлогодней травы как гигантская вермишель. Лыков оставил мотоцикл перед воротами, прошёл на двор и потрепал за холку кобеля. Привычно гудела пилорама. Лыков прислушался, не слышать ли стонов пленника, но визг циркулярной пилы перебивал остальные звуки. Со двора второй коровник не просматривался, мешал забор.

Дома уже спали. Лыков, забрав из шкафа свежее бельё, направился в баню, там нагрел полный электрический чайник, разбавил кипятком колодезную воду и с наслаждением помылся. В мыльной уютно пахло дубовыми вениками. Переодевшись в чистое, Лыков закутался в старый, ещё отцовский халат, вынул заначенную от жены чекушку и заправил водкой заваренный из пакетика чай с тремя ложками сахара.

— Надо бы ему пить отнести, что ли, — подумал Лыков, но махнул рукой. — Перебьётся. Потерпит.

Он представил, что нужно выключить фонарь возле дома (если близнецы спят некрепко, не дай Бог, кто-то выползет смотреть, что случилось), потом придётся в темноте и без фонарика пробираться через проход в заборе (а железо точно грохнет), ещё отдирать скотч с рожки пленника, выслушивать ругательства и угрозы, поить, опять залеплять. Нет, Лыков устал и хотел спать. Он закрыл баню и через дверь в клетки поднялся в сени.

Когда близнецы подросли, им отдали самую большую комнату. Лыков с Натальей Николаевной переселились за печь в бывшую спаленку лыковской матери с одним окном, выходящим на дорогу к пилораме, но с широкой тахтой. От круглосуточно работающей лесопилки там было шумно. Матери, пока та была жива, не мешало. Она и слышала не очень. А Наталья Николаевна измучилась, пока Лыков не заменил старую двойную раму на новомодный стеклопакет. Стало тихо, но ненадолго. После отпуска в Египте из-за сломанного носа он даже трезвым храпел былинным храпом. Наталья Николаевна в ноябре от нервного расстройства выгнала мужа спать в сени. Лыков сени утеплил снаружи пенопластовыми блоками и обшил пластиковыми панелями для красоты. Как раз пошли заказы по электрике, и появились деньги. Внутри на кирпичях укрепил переносную голландскую печь, трубу от которой вывел в форточку. В печь вплоть до поздней весны приходилось дважды в ночь подбрасывать дрова. Из-под разошедшихся досок пола, пусть и покрытого линолеумом и ковровином, тянуло холодом. До пола руки у Лыкова ещё не дошли.

Вообще в сенях Лыкову было удобнее. Частенько он допоздна пялился в телевизор или рассматривал всякие электромонтажные хитрости по интернету. Да и с Натальей Николаевной не всё клеилось в интимном смысле. Последний раз жарко сопел он в макушку жены всё в том же Египте, за сутки до того, как перебил нос доской для виндсёрфинга. Это было накануне, между завтраком и обедом, пока близнецы катались с горок в аквапарке. Лыковы выпили в одном из баров по паре бокалов сухого вина и неожиданно почувствовали сильнейшее друг к другу влечение. До номера бежали бегом. Но соитие после долгого перерыва оказалось стремительным и радости обилием не принесло.

Сейчас же, только выключил свет и укрылся одеялом, Лыков внезапно ощутил возбуждение такой силы, что стало больно в паху. Не зажигая лампочки, он отворил дверь из сеней в дом, перескочил через скрипящую левую половицу в коридоре и юркнул мимо комнаты детей в спальню жены. От боковой стенки протопленной на ночь русской печи шёл жар, и Наталья Николаевна спала, раскрывшись. Свет от фонаря перед домом через ажурный тюль падал узорами на спокойное лицо жены, длинную гладкую шею в маленьких панилломках и полные плечи. Лыков на секунду залюбовался, помимо желанья, ощутив приступ любви к этой женщине. Через мгновение он уже яростно вжимался всей своей созревшей страстью в ничего не понимающую спящую жену. Охнув, что-то пробормотав, она вдруг поддалась неожиданно темпераментному напору Лыкова и теперь боялась закричать и разбудить близнецов. После получасового остервенелого, но молчаливого боевого соприкосновения, озвученного лишь повизгиванием пружин внутри дивана, Лыков осторожно опустился на простыню рядом с Натальей Николаевной, ощущая через влажный рукав её ночнушки пульсирующий жар.

— В школу близнецов отправь. Завтра Светка заменить просила, опять утром магазин открывать. Свари им кашу, сосиски свари или что там найдёшь. Можешь?

— Угу, — промычал Лыков.

— И к себе иди, сейчас храпеть начнёшь, я совсем не высплюсь. Ишь ты, налетел, как ворон. Настойчивый такой. — Она поцеловала мужа в лоб и подтолкнула коленом с кровати.

— Иди уже. Водкой от тебя разит. Опять пьёшь среди недели?

Лыков порыскал рукой по полу в поисках трусов, нашёл, нацепил, наклонился, чтобы поцеловать Наталью Николаевну, но та тряхнула головой.

Лыков пожал плечами, вздохнул, взял со столика половинку яблока, на которую падал свет фонаря, и вышел из спальни жены.

Утром он проспал. То ли будильник в телефоне не прозвенел, то ли Лыков его не услышал. Его разбудила Наталья Николаевна, уже одетая, в плаще, пахнущая духами Kenzo, которые он купил ей в duty free каирского аэропорта.

— Поднимайся. Близнецам сегодня к восьми, у них какой-то урок дополнительный, вроде политинформации. Да вставай уже, храпу! Ещё не хватало, чтобы они опоздали. Чайник я поставила.

В голосе Натальи Николаевны не было привычного раздражения. К тому же, она вдруг наклонилась и поцеловала Лыкова в лоб, чего не делала с тех пор, когда жили они ещё вместе с близнецами в большой комнате. Им и оставалась только суббота, чтобы побыть вместе как мужчине и женщине. В субботу близнецы учились, а лыковская мать чуть свет отправлялась на автобусе в Судогду торговать яйцами на рынке. Они тогда лежали голые в кровати и запросто болтали, как любящие друг друга люди. И, вставая, Наталья Николаевна всегда целовала Лыкова в лоб. Это была своеобразная печать того, что в их доме пусть и невеликое, но счастье.

Лыков приподнялся на локтях. Солнце отразилось от стекла, закрывающего книжную полку, и стукнуло Лыкова точно в переносицу.

— Налетел такой, как ворон! — опять повторила Наталья Николаевна и не то нахмурилась, не то улыбнулась. — Дурак мой кривоносый.

Близнецов Лыков растолкал, накормил овсянкой с сосисками и выпроводил в школу.

— Пока, Лыков! — крикнули они вместе, выскакивая со двора и устремляясь вдогонку за компанией подольских, уже прошедших мимо их дома. Подольским было короче и удобнее идти через лес, но они предпочитали через Селядино: так веселее.

Лыков запер калитку на щеколду, вернулся на кухню, сгрузил остатки каши в пластиковый контейнер из-под корейской морковки, бросил туда же сосиски. Отпилил половину буханки ноздреватого судогодского хлеба. Помешкав, достал из холодильника сыр, отрезал несколько тонких ломтиков и положил вместе с хлебом в пакетик. Набрал из крана воды в большую пластиковую бутылку из-под пива. Оглянулся по сторонам, потёр переносицу, как делал всегда, когда задумывался над чем-то досадным, наконец, открыл сахарницу, вытряхнул на ладонь с пяток кубиков рафинада и сунул в карман.

— Если стресс, рана там или просто задохнулись, помогает глюкоза. Жрите сахар, — говорил лейтёха ещё в учебке.

Контейнер, пакетик и бутылку положил в линялый рюкзачок, с которым в школе ходил в туристические походы и теперь брал с собой, если отправлялся в лес ненадолго. Проходя мимо сарая, подхватил на всякий случай топорик, воткнутый в малую колоду, и тоже сунул в рюкзак. Солнце уже жарило. К привычному визгу пилы добавились рыкающие перегазовки и вой прокручивающихся протекторов чего-то большого и тяжёлого. Лыков миновал лаз в заборе и поднялся к первому коровнику. Было видно, как во дворе пилорамы, прямо перед огромными ржавыми дверями в ангар, по передние оси закопался стройбазовский “ЗИ.Лок”, гружённый выше бортов обрезной доской. Из ангара вырывался поверх всех шумов звонкий мат учётчицы. Сзади грузовика сгрудились рабочие, но наверх никто не смотрел. Да и если смотреть... Мужики теперь часто по ферме шастают: то труба стальная нужна, то кусок шифера. Мало ли зачем Лыков отправился. Надо, ну и пошёл.

Окно помещения, в котором был заперт пленник, выходило во внутренний дворик, образованный галереей, соединяющей первый и второй корпусы фермы. Лыков прислушался, не слышны ли какие звуки, но шум пилорамы добирался и сюда. Внизу, за забором, возле своей будки, вторя селядинским собакам, брехал Лёня. Лыков через левую весовую попал к стойлам, а оттуда уже добрался до коридорчика с дверью, за которой оставил связанного человека. Вчера днём, покидая коровник, дверь Лыков завалил досками и листами ржавой кровли. Всё было на месте. Он оттащил жестянки, скинул в сторону заляпанные птичьим помётом доски, достал из кармана ключ и отпер замок, который навесил вчера. Петли Лыков вкрутил шуруповёртом прямо в наличник дверного косяка. Войдя, он услышал мычание, но поперёд почувал носом яркий запах свежего дерьма.

Человек лежал там же, где его оставил Лыков, в углу, возле металлического стеллажа и смотрел на вошедшего. Чтобы пленник не сбежал, вчера пришлось протянуть через связанные сзади руки капроновый шнур и завязать его альпинистским узлом на решётке окна. Для этого понадобилось забираться с ногами на газовую плиту: узкое окошко находилось под самым потолком и было устроено скорее с вентиляционными целями, нежели для того,

чтобы освещать помещение кухни. Если бы не разбитое стекло, воняло бы сильнее: человек обделался в штаны.

Лыков снял с плеча рюкзак, прилепил на стуле с коленкоровым сиденьем, достал бутылку с водой и показал пленнику. Тот закивал головой и часто заморгал.

— Будешь орать, зубы выбью. — Лыков показал огромный кулак. — Тихо себя веди. Всё равно никто не услышит, а жевать нечем будет.

Лыков наклонился, взял человека за воротник, усадил и резко содрал клейкую ленту, закрывавшую рот. Тот жадно задыхался и закашлялся.

— Пей! — Лыков присел на корточки перед ним, от чего громко хрустнули колени, и поднёс бутылку ко рту человека. Наклонил. Тот стал жадно пить.

Лыков видел, как ходит вверх-вниз кадык, подскакивает от узла галстука рубахи под самый подбородок, обросший за сутки красно-ржавой щетиной. Вода проваливалась внутрь с громким клёкотом. Лыков сам пил так же громко, за что его вечно ругала Наталья Николаевна, обзывала бочкой. Человек мотнул головой, показывая, что напился. От этого вода попала за шиворот. Лыков закрутил крышку, встал, вернулся к стулу, наклонился и стал копаться в рюкзаке, пытаясь достать контейнер с кашей, пакет с которым запутался в размочаленных завязках, обернувшихся вокруг топора.

— Вы сейчас срок себе, Альберт Михайлович, набираете.

Лыков обернулся. Пленник смотрел на него в упор.

— Это похищение человека, статья сто двадцать шестая. До трёх лет. А ещё и насильственные действия, направленные против представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, статья триста семнадцатая. Срок до пяти лет. Зачем вам, Альберт Михайлович, это понадобилось?

Человек пытался говорить убедительно, весомо, словно находился наверху положения. У Лыкова стало горячо в затылке. Вчерашняя ненависть, породившая уверенность в своей правоте, вновь зашумела в ушах, вскипела потом вдоль позвоночника, задрожала под правым веком. Он вновь наклонился к рюкзаку.

— Меня уже ищут. Все знают, где я, по какому делу работаю и с кем. В ближайшие часы здесь будут сотрудники прокуратуры вместе с ОМОНОм.

Наконец, Лыкову удалось разобраться с верёвками. Он повернулся: в одной руке контейнер, в другой топор. В глазах пленника мелькнул даже не страх, а ужас. Боится говнюк, правильно боится.

— Девкам рассказывай, кто тебя ищет. А мне брехать не надо. Вижу, как вы с азербайджанцем на бабки меня решили поставить. Так что хавальник заварил, сиди смиренно, пока не решил, что с тобой делать. И лучше меня не зли. Ты мне и без этого не нравишься.

Лыков расстелил на полу перед пленником пакет, вывалил на него кашу и сосиски из контейнера. В контейнер налил воду и поставил рядом.

— Жри так. Пить захочешь, пей из миски. Руки развязывать не буду. Больно борзый. Так что, продолжай срать под себя. Посидишь в собственном говне, авось, что поймёшь.

— Да тебя, сука, уроют. Тебя...

Договорить тот не успел, Лыков присел на одно колено и резко ударил пленника в солнечное сплетение, от чего тот загнулся и повалился на бок.

— Вот так. — Лыков выпрямился, потёр тыльной стороной ладони левую щёку, огляделся по сторонам, словно что-то искал. — Буду вечером. Веди себя хорошо. Кушай кашу. Телевизор не смотри. Делай уроки. Приду — проверю.

Лыков нацепил на себя обе лямки рюкзака, обошёл ещё раз все помещения, оценил, нет ли чего, что поможет пленному выбраться, но решил, что вряд ли можно сбежать при помощи чугунных фановых труб. Единственное узкое окошко в душевой выходило внутрь, к стойлам, но было забрано сварной решёткой. Хмыкнув, Лыков вышел в коридор, закрыл дверь на замок и вновь завалил её досками и кровельным железом.

Если в помещении бункера, как про себя уже называл эти комнаты Лыков, было более-менее тихо, то в коридоре визг фрезы, разрезающий длинные стволы на аккуратные доски, отражался от каждого уголка и превращался в металлический многоголосый хор. Лыков выбрался наружу, обошёл по кругу внутренний двор, то и дело косясь на окно комнаты, в которой остался пленник. Наконец, решил не рисковать, вернулся в коридор, содрал со стенда на стене кусок ДВП с правилами пожарной безопасности, топориком выбил из досок несколько гвоздей и подобрал дырявое эмалированное ведро, лежавшее тут же, на куче мусора. Во дворе он ведро перевернул, взобрался на него, стараясь не продавить дно, и несколькими точными ударами приколотил кусок оргалита поверх рамы. За время, что Лыков мастерил, пленник не проронил ни звука. И лишь когда Лыков пнул ведро носком катерпиллера так, что оно отлетело на середину двора, до Лыкова донёсся еле различимый сквозь визг пилорамы, идущий из глубины бункера мат. В тот же миг в нагрудном кармане завибрировал пришедшим сообщением телефон. “Ты где?” — написал Алим. “В манде!” — хотел ответить Лыков, но набрал: “Скоро буду. Покупаю бур”. Он поднял лежащую у стенки ржавую трубу, взвалил на плечо и так перешёл через открытое место к своему забору. Если кто со стороны увидит, решит, что ходил за чем-то для хозяйства.

Он запер дом, кинул в миску кобелю Лёне вчерашние макароны и через три минуты уже катил по асфальту к Судогде. У рынка Лыков припарковался перед магазином стройтоваров и действительно купил бур для перфоратора подороже, потребовав выписать товарный чек. Часы показывали четверть десятого.

Через пять минут он уже был возле лабораторного корпуса. Дверь оказалась заперта. Возможно, Алим и приходил, посмотрел на запертую дверь и послал сообщение. Лыков отпер корпус, поднялся на второй этаж, переоделся в рабочую одежду, достал бокорезы и пошёл срезать-смаывать в бухты старую проводку. По всем правилам, это была не его работа, но он не любил протягивать новый кабель, пока оставался не убран старый. Даже в разухе ремонта должен был быть порядок.

Алим появился к часу, когда Лыков собрался идти в магазин за едой. Прораб возник в проёме двери, прижимая плечом трубку к уху и перебирая документы в папке.

— Нет, не привозили кабель. Да, уважаемый, нет у меня накладной. Посмотри по телефону, я звонил раз десять. Разберись, конечно. Мы давно работаем, я подожду.

Прораб нажал что-то на смартфоне, завершая разговор. Но Лыкову показалось, что экран не светился, и его наниматель только делал вид, что разговаривает.

— Что с кабелем? — спросил он недовольно. — У меня всё готово, можно прокладывать. Был разговор, что без простоев по материалам.

— Всё получится. Не надо волноваться. Вижу, хорошо сделал. Вижу, аккуратно у тебя. Вижу, вовремя. Не волнуйся. Сегодня можешь заканчивать, завтра будет тебе кабель.

Внутренний Лыков хохотал во весь голос, бегал по стенам и потолку, корчил рожи, сплёвывал, расстёгивал ширинку и мочился на брюки прорабу. Но Лыков внешний лишь смотрел в глаза человеку, который хотел, да что хотел — обманул и чуть не победил его, Лыкова, подлым приёмом, болгом, закатым в боксёрской перчатке. Внешний, настоящий Лыков смотрел в глаза и потирал переломанную переносицу. Наверное, со стороны это выглядело убедительно.

— Договор принёс? Без договора дальше работать не стану. Ты меня, Алим Абидович, кидать не думай. Я нашим скажу, что отпахал на тебя без денег, будет история неприятная.

Не было у Лыкого никаких “наших”. Но вдруг решил он со всей ясностью, что сила на его стороне. Противник растерян, не знает, как себя вести. Вот и не надо отпускать.

— Э! Нехорошо не надо о людях думать, Альберт! Будет договор. Так получилось, что неверная форма, устаревшая. Бухгалтерия сказала, новый

договор надо делать. Сегодня сделают, завтра привезу. Законодательство, понимаешь, постоянно меняется, то одно, то другое, то третье. Вчера так, сегодня иначе. Нам отчитываться, а как не примут в налоговой? Ты же всё почестному хочешь, сделаем по-честному, чтобы документы в порядке. Налоги вычту как налоговый агент, в соцстрах за тебя заплачу. Всё официально.

Прораб улыбался примирительно, но в его взгляде Лыков видел растерянность.

— Послушай, — наконец, не выдержал Алим. — Кто-нибудь вчера приходил? Ну там, проверки всякие идут по городу. Смотрят, всё ли по закону.

— Нет, не было, — сухо ответил Лыков, упаковывая в кейс перфоратор.

— Хорошо, что не приходил. Если кто появится, обязательно позвони. У нас все документы на работы есть, не волнуйся. Я в Судогде пятый объект ремонтирую. Никто не жаловался.

— Позвоню. А ты, Алим Абидович, носи договор, пропечатанный с твоей стороны. Мне сосед сказал, чтобы я у вашего брата ничего без печати заказчика не подписывал. Извини, но нехорошая слава ходит.

— Обо мне слава? Не надо обижать. Всё будет, уважаемый. Всё будет в порядке. Поезжай домой. Завтра. Всё завтра.

Прораб протянул руку и пожал лыковскую ладонь с горячностью, как жмут людям, от которых что-то зависит.

— Завтра так завтра, — сказал Лыков после того, как прораб уже ушёл. — Но если что, деньги я с тебя всё равно стяну.

3

Лыков уже представлял тот “джили”, что скоро обязательно купит. Нет, даже не представлял, он уже нашёл на доске объявлений в интернете машину за двести тысяч с терпимым пробегом. Тридцатник был у Лыкова заначен именно на такой случай, двадцать он планировал занять у Беляева, городского, живущего в Селядино с позапрошлого года. У того все занимали понемногу, пока вроде никому не отказывал.

Главное, чтобы Алим привёз чёртов кабель. Тогда проложит дня за два, сразу выведет под щиток. А остальное не его дело: работа выполнена. Если там без коммутации на щиток, так минус десятка, ну, для такого “уважаемого человека” минус двадцатка. Но остальное пусть платит.

Лыков подумал, жаль, что у него нет этих вот “наших”, которым можно позвонить в случае несправедливости или иной какой беды. Раньше, конечно, были. Одноклассники в лихие времена вдруг оказались “при делах”, носили спортивные костюмы с тремя полосками, ездили на “восьмёрках” с тонированными вглухую стёклами. Никто не разбогател. По крайней мере, так, чтобы можно было завидовать. Кого-то убили. На кладбище возле чмарёвской церкви на фоне стены, как те три полоски, торчали три одинаковых обелиска с выгравированными на чёрном габбро портретами его друзей. Они были похожи на свои фотокарточки из восьмого класса. Может быть, даже по ним гравировку и делали. Вообще, деловые прятали своих во Владимире, там на престижных кладбищах уже куплены участки. Но если погибали деревенские, родственники просили хоронить ближе, чтобы можно было приходить к могилам пешком. Из тех времён никого и не осталось. Кого позвать? Из секции бокса, в которой Лыков занимался, в братки пошли почти все. Но всех и постреляли в девяносто третьем, когда делили что-то с муромскими. Траур справляли по всем окрестным деревням. Чему удивляться? Лучшие парни, спортсмены! У каждого медалей штук тридцать, дипломы, грамоты. Почти все техникумы закончили, с образованием, надежда родителей. А вот не повезло. Лыков думал об этом, пока мотоцикл тархтел по расчерченному тенями от старых лиственниц шоссе.

Беленькая! Надо спросить у Беленькой! Это она сейчас Беленькая, после того как за Андрюху замуж вышла. А была просто Людка Пухова, его любовь, страсть его, фантазия с девятого класса. Если бы не Беленький... Но у друзей женщин не уведят. Не по понятиям. Когда Беленький помер, Пухова завладела лесопилкой. Стала крутая, даже в чмарёвский магазин

заезжала редко, предпочитала отовариваться во Владимире. Бельенская дела ведёт, значит, у Бельенкой есть кто-то, кто эти дела прикрывает. И точно кто-то из “наших”, вряд ли Людка кого чужого потерпит. Ещё девчонкой была крутая, никакого страха. Сволочь ещё та, конечно.

Завернул к магазину, где Наталья Николаевна работает, парой слов перекинуться. А там как раз отец Валентин конфеты в пакет складывает. На Лыкова посмотрел строго, кулак показал: “Чтобы в воскресенье на исповедь пришёл!” Лыков знал, что тот так всех в церковь загоняет, но пообещал. Чего бы не прийти? Да и какие у Лыкова грехи? Страстей совсем не осталось. Уныние да пьянство, вот и все грехи. Даже жене, хоть и не венчаны, не изменяет. Понарасказала попу что Наталья Николаевна? А что рассказывать? Не про мужскую же удаль...

Взял пакетик орешков, жену поцеловал и домой по дороге пошёл мимо озера. “Спутник” трясло на колдобинах тракторной колеи. И надо же так случиться, как из леса выехал, у самого берега заметил тонированный вглухую “Рав-4” Бельенкой. Из раскрытых дверей машины грохотала незнакомая Лыкову музыка. На полёгшей прошлогодней траве сушились резиновые коврики. Сама Людка в тёмных, явно модных очках сидела на раскладном кресле, вывернув к солнцу локти, жакетов под самые колени брюки, и сверху только лишь в блестящем бюстгальтере. Грудь как грудь, небольшого размера, да и животик вялый, сорок восемь лет уже, как-никак. Что так раньше ша-рахало, неясно, даже мысли теперь греховной на исповедь не накопишь.

Лыков остановился и заглушил двигатель мотоцикла. Людка приподнялась в кресле, посмотрела на непрошеного гостя, приспустив очки. Узнала в нарушителе покоя Лыкова и вновь подставила лицо солнцу.

— Привет, Люд!

— Что не на работе?

— Как дела твои?

— Наталье скажи, что хамить мне не надо. У меня тоже высшее образование, и менструации пока раз в месяц, но я себе матом на клиентов орать не позволяю. Что она у тебя такая дикая? Не трахаешь, что ли?

Лыков разговора о жене не ожидал и не сразу нашёлся, что ответить. А когда нашёлся, Людка уже встала, сложила кресло и собирала коврики.

— Надо что, Алик? Или соскучился? Пихарей мне и без тебя хватает. А на работу не возьму, извини. У меня принцип: селядинских не беру.

Если четверть часа назад Лыков готов был просить у Людки помощи, то вмиг передумал.

— У тебя попросишь, потом облысеешь отдавать. Всех своей пилорамой уже достала. А как забор воткнёшь, так лишние полкилометра людям ходить придётся. Пошла ты!

Лыков сплюнул в щель между передними зубами, завёл мотоцикл и злой перегазовкой выхаркал в апрельский воздух сизые клубы перегорелого бензина с маслом.

Некого просить о помощи. Некого! Был бы муж Людкин жив, Андрюха Бельенкий, его бы просил. Тот серьёзным мужиком слыл, деловым. После Афгана, когда все вернулись, кто чем озоровал. А этот дела круто заворачивал и по справедливости решал. Жаль, здоровья не хватило. Говорят, Людка своими закидонами довела, от сердца умер. А больше и никого. Уехали, поумирали, спились... Те, кто во Владимир подался, тоже не начальники: либо под жёнами своими, либо так заморочены, что никаких просьб, кроме как рюмку подвинуть, чтобы налить сподручнее, не услышат. Молодые, те, что вроде как стали на ноги чуть позже, все уехали. Все в Москве.

Лыков вдруг подумал, что всякие депутаты и министры — это его, Лыкова, ровесники (ну, плюс-минус лет пять) — сейчас страной и управляют. И по тому, что видит он вокруг, управляют из рук вон плохо. А ведь одни книжки читали, одни контрольные по математике решали, одни темы по географии, биологии да обществоведению у доски отвечали. И вроде же всё правильно было в тех темах. Что же стряслось? Почему так всем тошно, словно инопланетяне какие землю завоевали? Есть статистика или ещё какая наука, по которой не может такого случиться. Ну, скажем, было в их 9-В

из сорока человек два подонка. Злые люди, нехорошие, собак вешали, девчонок портили, старшим продавали, один из них даже отличником был. Гады стоцентные. Так это же два человека. Да и первого в том же девяносто третьем шмальнули из револьвера при выходе из чмарёвского клуба после дискотеки. А второй нашёл жену-еврейку, уехал в Израиль, по слухам, живёт небогато, работает в газете. Главное, живёт. Откуда же всё? Почему те, что клятвы пионерские давали да устав комсомола зубрили, вдруг такую подлость для человека творят? Совести нет вовсе? А что совесть? Крестятся на купола. Даже Лыков, хоть раз в год, но на причастие ходит... Опять вот пойдёт. Отец Валентин отчитает, мол, не по закону Лыков живёт, но к чаше допустит.

Если не брать во внимание три месяца после увольнения с тракторно-моторного, так Лыков дома днём бывал редко. А как оказывался, почему-то сразу хотелось ему выпить. словно как родители на работе, а он один и может проказничать. А как проказничать взрослому мужчине? Лыков сразу прошёл в баню, выудил из глубины дровника початую бутылку "Юбилейной". Отвинтил пробку, налил в чашку, стоящую подле самовара, до половины. Выдохнул и выпил залпом. Поморщился, но налил ещё. На подносе лежало засохшее овсяное печенье, такое и не разгрызть. Он разломал одно в руке, растёр почти в муку. И снова выпив, слизнул с ладони сладкое крошево. Кобель Лёня, разбуженный брехнёй деревенских псов, сунул морду в предбанник. Лыков разломил пополам ещё одну печенинку и дал собаке. Наталья Николаевна запрещала кормить пса сладким, но Лыков иногда баловал. Лёня со вкусом похрумкал, раскидав вокруг себя пену.

— Ну что, брат, а ты как считаешь? — спросил собаку Лыков.

Пёс потёрся мордой о дверной косяк, подождал вторую часть печенья, получил и ушёл доедать к будке. Видимо, он не считал себя вправе рассуждать на человеческие темы.

— Ёдранный же ты странный, — ругнулся Лыков, не обращая ни к кому, а только выдыхая в апрельское дневное первомарево свою обиду. Он шарил под лавкой, нашёл две шестилитровые канистры-баклажки и набрал в них ржавой воды из печного бака. Покопался на полке в мыльной, выбрал и покидал в пакет полупустой флакон шампуня "нивея против перхоти" обмылок земляничного мыла и губку.

— Что там тебе ещё? — пробормотал Лыков, оглянувшись, снял с крюка свои старые треники и некогда любимую чёрную футболку с потрескавшейся и вытершейся надписью: "HODORKOVSKY, GO HOME!"

— Ладно, хер с тобой. — Он достал из тумбочки вытертое синее байковое одеяло, которое помнил с детства и которым ещё бабушка укрывала ему ноги, если тот засыпал в саду на скамье. — Всё равно выкидывать.

Потом долго гремел в сарае, собирая всякое необходимое в рюкзак. Вернулся в баню. Налил ещё, выпил, запил водой из самовара, намочил тряпку и тщательно протёр клеёнку на столе, оттирая какие-то древние тёмные пятна.

Наконец, завязал тесёмки рюкзака, подхватил канистры и пошёл по тропинке к лагу в заборе. Возле будки с кобелём Лёней замешкался, поднял цепь, взвесил на руке, вернулся в сарай, снял с гвоздя моток репшура. Отстегнул кобеля, смотал цепь, заменил на капроновый шнур. На пилораме отрыгивался двигатель грузовика. Откуда-то снизу Селядино почти от самого родника неслись громкие звуки радио "Комсомольская правда". Жизнь днём в будний день уверенно правила здешним Синеморьем.

Лыков механически выкручивал саморезы и с досадой думал, что всё происходящее совершенно ему не нужно. Он отставил в сторону тяжёлый сегмент забора и протиснулся в получившийся проём. Зачем? Всё же так хорошо начиналось. И не хотел больше, чем нужно, и на чужое не смотрел, и сил не жалел, пахал за двоих. Должна же быть справедливость? По справедливости, нужно, чтобы погань всякая страдала при жизни, не на том свете, а честный человек жил счастливо. Он и Евангелие читал в армии, там про это самое, но иными словами. Случайно оказалось у него совершенно для тех времён необычное карманное издание, бумажка тонёхонькая, книжица

размером чуть меньше пачки сигарет. Прознали бы про то офицеры — отобрали бы. А так читал после отбоя да в нарядах. Он и крестик носил, зашитый под подкладку в клапане левого кармана х/б. Может, только благодаря тому кресту и выжил, когда накрыло колонну на Саланге из ближайшего дувала на очередном повороте дороги. Сколько было тех поворотов? Да не сосчитать!.. И ни царапины. Ни одной маленькой царапины. Только мозоли, натоптыши от ботинок да розочки стрептодермии. И весна сейчас такая ранняя и жаркая. И хочется доделать уже этот лабораторный корпус и заняться, наконец, электрикой “джили”, который он, конечно же, купит. Тот, что присмотрел, тот в Дмитрове. От Дмитрова до Чмарёва часов пять. Дорога дурацкая, через Киржач, по одной полосе в каждую сторону, и обочина осыпается. Почти везде сплошная линия. Как встанешь за большегрузом, так и покатишься не больше шестидесяти. Но за пять часов всяко можно добраться, хорошо, за шесть. На учёт надо сразу тачилу поставить, чтобы голова не болела. Значит, быть в Дмитрове до десяти утра, выехать в шесть или даже в пять. Где МРЭО во Владимире? Может, и в Судогде есть? До того Лыков про то и не задумывался. Главное, чтобы по дороге не заглох. Это потом переберёт всё под капотом, проверит да подтянет подвеску. Главное — добраться. Это вот самое сейчас главное.

С этими мыслями Лыков поднялся по склону ко второму корпусу фермы, вошёл внутрь, аккуратно разобрал завал и открыл замок. Пленный сидел в углу. Воняло в помещении уже нестерпимо, щипало глаза. Лыков, схватился пальцами за нос, сделал шаг назад и распахнул дверь в коридор.

— Ну и смердишь ты. Принюхался, уже и не замечаешь. А с улицы входишь, так за малым делом не слевать бы.

Каша и сосиски оказались съедены. Воды в миске тоже оставалось немного: пленный не кривлялся, ел и пил. Лыков поставил пластиковые баклажки на землю.

— Я тебя сейчас развяжу. Иди в соседнее помещение, Алексей Иванович, там мойся. Весь в говне, самому, наверное, противно. Тут тебе мыло и прочее. Помоешься, переоденься, — Лыков положил на стул одежду и одеяло, — И не дури. Если что не так, худо будет. Не убью, так покалечу. Будешь хорошо себя вести, руки свяжу спереди, чтобы штаны мог снимать и на дырку ходить. Это тебе послабление режима.

Лыков добрался до окошка, долго копошился, тщаь развязать капроновый узел, но тот затянулся сильно, пришлось обрезать ножом. Пленник попытался всгаты, но ноги его затекли и не слушались.

— А ты не торопись. По стеночке, по стеночке. Пока моешься, я тут приберусь. Считаю, в санатории, первые процедуры закончились, начинается лечение. Одежду свою, кроме куртки, на, вот, сюда кидай. — Лыков показал на пакет из магазина “Пятёрочка”. — Дерьмо отстирывать не стану, выкину.

Что пленник вырвется и убежит, Лыков не опасался. Он был намного выше, килограммов на тридцать тяжелее, в хорошей физической форме, у него, в конце концов, был разряд по боксу. Если даже начнёт махать ногами, и то без пистолетика шансов нет. Лыков хмыкнул, закрепляя один конец цепи на решётку окна замком.

— Никто тебя, дорогой мой оборотень в погонах, не ищет. Никому ты не сдался. Телефон у тебя разрядился, потому местоположение твоё не засечь, — говорил Лыков достаточно громко, чтобы пленник в другой комнате расслышал, — Приехал сюда на автобусе, сам сказал, так что машина твоя тоже не туточки. Небось, уже не на “мазде”, папашей купленной, ездись? На “мерседес” наворовал?

Плеск воды на мгновение прекратился. Лыков спрыгнул с плиты вниз, подёргал цепь и, разматывая клубок, перешёл в соседнее кафельное помещение, где когда-то была душевая и где теперь обмывался губкой пленник.

— Это с пистолетиком да с ксивой всяк горазд выкаблучиваться. — Лыков подтянулся и укрепил другой конец цепочки на решётке небольшого окошка, выходящего внутрь коровника. — А с обделанными портками уже и не орёл. Азербона твоего, наводчика хренова, я тоже достану. Смотрю,

опять распоясались, силу почувствовали. А нет у вас никакой силы. Одного за другим простые люди вас за скобки выведут. Математику учил в школе? Всё, что за скобками, уже не в счёт. Можно делить, можно вычитать. Вы же шифруетесь, хитрите, делаете так, чтобы не знал никто и ничего. Вот никто и не узнает. Сейчас чистенький и мытенький посидишь тут, пока кормить тебя не надоест. А там решу, что делать. Усёк?

Пленник молчал. Он вытерся рубашкой, полотенце захватить Лыков не догадался. Переоделся в принесённое и теперь стоял в углу душевой, глядя исподлобья на своего тюремщика.

— А ты, Алексей Иванович, не зырай! — Лыкову не понравился взгляд пленника. — Что молчишь, правильно. Не хрен болтать. Меньше рот будешь разевать, больше шансов, что зубы не выбьют.

Лыков силёл из тех же пластиковых хомутов что-то типа наручников, затянул на запястьях так, что цепь, на которой только что ещё сидел кобель Лёня, оказалась продета между торсом пленника и его руками. Убедился, что тот может более-менее свободно проходить из бывшей кухни в уборную и дальше в бывшую душевую.

— Ну, бывай! — Лыков сунул руку в карман, достал давешний пакетик с орешками и бросил пленнику. Тот поймал. — Если что, пиши. Вечером приду. И не дури. Всяко не выберешься, а увижу, что озоровал... — Лыков привычным жестом потёр переносицу. — Не дай тебе Бог меня злить, парень. Это личное. Просто ты не помнишь. А я помню. Полтора десятка лет кануло, а помню.

4

День за днём полторы недели прошли одинаково. Утром Лыков по привычке просыпался в семь и отправлял сообщение Алим: “Что с кабелем и договором?” Почти сразу получал ответ, что сегодня кабеля не будет, как и бухгалтера, у которой печать. Если второе было полным враньём, то кабель, действительно, могли и не привезти. Деньги Алим давно потратил, а махинация не всегда удаётся. Лыков решил, что потерпит до выходных, а там решит, что делать. Наталья Николаевна ежедневно уходила на работу, Лыков отправлял детей в школу, немного копался в огороде, потом ехал на заказы. Возвращался на обед, ел сам, навещал пленника, относил еду и воду, старался делать это в разное время, чтобы у того не появлялось лишних мыслей про побег. Но тот вёл себя тихо, почти не разговаривал. Лыков не замечал ни следов подкопов, ни вообще каких-нибудь попыток снять импровизированные пластиковые наручники. Лишь один раз пленник попросил принести болеутолящее, сказал, что разболелся зуб. Лыков уже привык к нему, как привыкают к случайно появившемуся и вначале раздражавшему своей никчёмностью домашнему животному. Но когда тропинка в прошлогодней траве от забора к асфальтовой площадке перед первым корпусом фермы уже была промята и понатоптана, раздражение прошло. Какая разница? Кинул макароны кобелю Лёне, бросил корма курам, зашёл к козам, отнёс еду пленному.

Заказов поступало много. Из-за тёплой весны дачники приезжали в свои владения раньше. Днём дома прогревались, а ночью зимняя сырость проступала из стен и из подпола, приходилось спасаться электробатарейми. Отсюда проблемы с проводкой: вылетали автоматы, что-то дымилось, что-то воняло. На старых дачах в сетях накручено было не пойми как, так что, Лыков приезжал починить щиток, а вместо этого менял всё электричество в доме. Деньги шли хорошие. Уже и занимать у соседа, городского Беляева, не требовалось.

В субботу после очередной работы он отправил Алим сообщение: “Плати или пеняй на себя”. Ответа не получил. Домой приехал, помылся переоделся, смотрел на себя в зеркало, пока расчёсывался: морда страшная. На месте Алима Лыков с таким бы не связывался. Ну и что, что электрик? А может быть, это у него хобби такое, клеммники крутить? А так — явный душегуб. “Пусть нервничает”, — в который раз злобно подумал Лыков

и отправился, как и в предыдущие ночи, к Наталье Николаевне. Вернувшись к себе, лёг в постель, но вдруг вспомнил, что на завтра обещался отцу Валентину быть к исповеди.

До часа ночи читал Лыков покаянный канон. Расчувствовался, как всегда перед Евхаристией. Упрекал себя в маловерии, в гордыне, в лени душевной, в том, что с последней исповеди прошёл год, что в храм за этот год зашёл раза три: на Пасху, Рождество да на отпевание соседа, долго болевшего и всех своей болезнью измучившего. Раскаялся, что не заходил к болящему последние месяцы, не находил в себе сил. Припомнил вдруг, что с Натальей Николаевной живут они лишь в гражданском браке, а по церковному закону не венчаны. Корил себя, что невнимателен к близнецам, что ругает их больше, нежели любит. Вот давеча наорал на обоих мальчишек, чуть по мордасам не надавал. Всё потому, что поймал их выходящими с фермы через дырку в заборе. Как увидел в окно клетки, что идут с той стороны, внутри всё скользкой дрянью обморозило, по которой слова и покатались. А если бы пленника нашли? Что сказать? Но нет, всё разрешилось. Стояли, носами хлопали. Признались, что следили, но не за ним, за Лыковым, а за сукой, которую Лёня оприходовал. Большая чёрная сука. Сама из Подолья, а рожата примостилась в пустой бойлерной, что перед первым корпусом фермы, ближе к пилораме. Пошли вместе, действительно, гнездо себе из тряпок устроила, в гнезде пятеро щенят, ещё слепые. Сейчас бы взять, да и утопить, пока ничего не соображают, да как-то нехорошо перед близнецами. Суку отогнал, щенят в охалку, матери свистнул. Устроил за баней у себя в дровнике. Кинул старую фуфайку, поставил миску. Лёня, учуяв, разбрехался, но Лыков пнул его сапогом в бок. Тот понял, заткнулся, только морду вверх то и дело поднимал, показывал, мол, знает, что есть посторонние на территории.

За всё суетное Лыков каялся. Каялся, что на купола не крестится, стесняется. Каялся, что хочет он автомобиль купить, то есть мирских благ, во много раз больше и страстнее, нежели Царствия Небесного. Упрекнул себя в грехе уныния, которому поддался после потери работы. Ведь даже подумывал Лыков отправиться однажды на охоту и с охоты той не вернуться, потому как невозможно ему стало выносить упрёки Натальи Николаевны и свои внутренние терзания. А как не терзаться, когда он, здоровый и крепкий мужик, не может обеспечить семью. И в том упрекнул себя, что в унынии не уповал на Господа, не открыл ему свою душу, а лишь суетился в мирском. А когда Господь поперёк гордыни лыковской сотворил чудо, направил его словами кума туда, где даден был ему хлеб насущный, Господа не отблагодарил ни молитвой, ни подношением. И куму ведь тоже спасибо не сказал. А надо было, через кума, глядишь, и до Господа бы дошло. Плакал Лыков, крестился правой рукой, левой держал перед собой смартфон и читал с экрана по-церковнославянски, не понимая, но чувствуя, что верно угадывает и всем сердцем принимает смысл. И просил Духа Святого выжечь в его крови всю скверну, всякую плесень, что там скопилась, что сам многорешный раб божий Лыков туда запустил, поскольку ничего без его воли не было бы, коль наделил его той волей Создатель и ждёт от него проявления воли Спаситель, единые с Духом Святым.

Наутро, видя, что Лыков надевает светлую рубашку и костюм, Наталья Николаевна поняла, что муж собрался в храм. Сама она церковь не жаловала, но тут решила пойти вместе с Лыковым. В глубине души вернувшееся чувство к мужу она посчитала Господним даром, удивилась ему и решила, что надо поставить свечку, чтобы и дальше всё так удачно управлялось.

В жизни её Лыков, по признанию подруг, вообще оказался даром небес. После того как нелепо в автомобильной аварии погиб первый муж, отец двоих полутороговых близнецов, она от переживаний заболела всем сразу, да так, что врачи даже в областной Владимирской больнице не понимали, что именно и из-за чего болит. И до того была она женщиной аккуратной комплекции, а после трагедии за каких-то три месяца потеряла двадцать килограммов. На работе во Владимирской торговой компании, где трудилась она экономистом, вначале сопереживали и сочувствовали, но когда после отпуска последовали один больничный за другим, стали намекать, что не мешало бы

и уволиться. Впрочем, Наталья Николаевна сама понимала, что работник из неё в такой ситуации скверный. Двоюродная сестра с новым мужем позвали временно пожить к себе в Чмарёво, благо дом большой, новый. Первый этаж — кирпичный, второй — из брёвен, как раньше. Однокомнатную квартиру мужа на Северной Наталья Николаевна сдала через агентство и получала каждый месяц десять тысяч рублей. Деньги не очень большие, но и тех достаточно, чтобы не считать себя приживалой.

А с Лыковым познакомились в автобусе. Он, видя, что женщине тяжело, помог подняться, а потом согнал какого-то молодого бездельника и усадил Наталью Николаевну на место у окна. Удивился, что она тоже едет до магазина в Чмарёво. Вышли, отправились в одну сторону по Мелиораторов, он взялся нести сумку. Оказалось, что нового мужа сестры Лыков знает, они одноклассники, да и с прошлым, Афониним, дружны. Пригласила заходить в гости. Он и зашёл уже в ближайшую пятницу, принёс бутылку сухого вина, печенье и букет роз. А это ещё начало лета было, для роз не сезон. Значит, специально ездил в Судогду в цветочный магазин.

Он ей сначала не понравился. Огромный такой, сутулый, нос перебитый. Но потом стал приходиться часто, она и привыкла. А однажды вдруг и получилось у них всё само собой, да так страстно и сладко, что поняла Наталья Николаевна, что это ей подарок за пережитое. Поженились. Не хотела, конечно, жить со свекровью, но, куда деваться, переехала в дом к мужу. Лыков добрый, близнецов любил и баловал, матери напраслину на жену возводить не позволял, работал иногда по две смены, пил умеренно.

Пока Лыков исповедовался, Литургию стоял, причащался, телефон в кармане то и дело вибрировал. Вышли, глянул — Алим пять раз звонил. И сообщения прислал, мол, можно приезжать. И вроде на душе благодать и день воскресный, а дела надо закончить. Наталья Николаевна к сестре пошла, а Лыков переделся в рабоче, сел на “Спутник” и покатил в Судогду.

На этот раз прораб встретил его на крыльце. Был он в костюме, светлой рубашке, но без галстука. Завидев мотоцикл Лыкова, спустился со ступенек и пошёл навстречу, вытянув перед собой руку.

— Уважаемый, не сердись. Не будет больше работы, какая-то ерунда началась. Я тебе за сделанное заплачу, сделано много. И прошу не обижаться. Обстоятельства меняются. Другой объект горит, этот пока консервируем. Прораб вынул из внутреннего кармана конверт и протянул Лыкову.

— Сколько тут?

— Половина. Ровно половина. Важную часть работы сделал, но важную не сделал. Понимаю, не по своей вине. Но и меня пойми, выживаем, как можем. Деньги с одного объекта на другой перекидываем. Материалы дорожают, жизнь дорожает. Законы принимают какие-то дурацкие. Ни дня не проходит, чтобы что-то не произошло. Не обижайся, уважаемый!

Лыков раскрыл конверт, достал деньги, пересчитал, хмыкнул.

— Пятнадцать добавь, и в расчёте, — он мрачно посмотрел на Алима. Тот неожиданно быстро согласился, достал три красненьких бумажки и протянул Лыкову

— Если будет заказ, обязательно обращайся. Такой мастер хороший, непьющий, аккуратный. Так там всё убрал, в порядок привёл, старое всё смотал...

— А я к тебе, Алим, больше не пойду. Не нравишься ты мне. Я насквозь вижу, что бы ты ни говорил. Но простил. Вчера перед исповедью и простил. Русские люди зла не держат, но обид не забывают.

Алим посмотрел на Лыкова, словно пытался понять, знает ли тот что или просто обиделся на что-то своё, не по мужицким понятиям произошедшее. Но по широкому, со свёрнутым на сторону мясистым носом Лыкова, по его глазам под густыми бровями ничего нельзя было прочесть, кроме того, что русский сердится и лучше держаться от него подальше.

— Давай проверим, на что ты способен!

Кум налил кружку до краёв. Они уже с двух часов дня сидели в кочегарке, куда Лыков прикатил, не заезжая домой. Он купил у знакомой тётки

на рынке мяса, прихватил овощей, взял на углу Маркса и Ленина несколько бутылок водки.

— Значит, как в кино, руки сзади, зубами цепляешь и пьёшь. И чтобы не проливать.

— Да пошёл ты!

Лыков обычно на такие подначки не вёлся. Какая разница, на что он способен. Нашёлся тут проверяльщик! Но сегодня после Евхаристии было ему на душе необычайно хорошо, хотелось любить весь мир. И, прежде всего, кума.

— Спасибо тебе.

— За что? — удивился кум и пьяно оглянулся вокруг, словно в поисках сделанного им доброго дела.

— Так это ты надоумил меня объявление подать. Теперь работа есть, деньги есть. Это меня Бог навёл через тебя. Точно знаю.

— Ну, скажешь! — замялся кум. — Это же очевидная вещь. Если агентства всякие — это параша, то если сам будешь, то не параша. Потому что на хера в парашу-то влезать? Ты пить будешь?

Лыков рассмеялся, привстал с табурета, собрал руки сзади в замок, наклонился, подцепил кружку и выпил тремя длинными глотками

— Во! Герой! Терминатор!

К концу третьей бутылки в голове помутилось, а на улице уже почти совсем стемнело. Лыков вышел облегчиться и увидел, что в Подолье зажглись фонари вдоль улицы. Пора было домой. Следом из кочегарки появился кум.

— На моцик не садись, в воскресенье менты у магазина и на повороте дежурят. У Пухова так на год права отобрали. Всего-то решил до бетонки доехать от дома.

— А если полем, напрямик? — подумал вслух Лыков.

— Завязнешь. После зимы точно завязнешь. Сам знаешь, кислотина там ещё. Болото, параша сплошная. Хорошо, когда ферма работала, вот тут въезжаешь, вон там выезжаешь. — Кум показал на закрытые ворота фермы, освещённые одиноким фонарём.

— А что сейчас мешает? Там же нет никого, — осенило Лыкова.

— Так ворота закрыты. И потом куда? Колочая проволока вместо нижнего выезда. Оставь ты его тут. — Он пнул ботинком колесо мотоцикла. — Не город, не разденут. Завтра заберёшь.

— У меня там лаз широкий. Моцик пройдёт.

— Если Бельнякая заметит, что на моцике въехал, развоняется, наступит главе. Она уже на эту территорию глаз положила. Будет парашу какую-то строить, какие-то вагончики или бытовки. Ну, ты её знаешь, ей бы на чём нажиться только к херам собачьим.

— Так я на выключенном двигателе. Там же бетонка. Уже темно, фонарь только у ворот. Докачу, а потом под горку и дома. У тебя клещи есть? Боюсь, бокорезами не справлюсь.

Но клещи не понадобились. Они просто подняли вдвоём створку ворот, вынув её из петель. Лыков завёл мотоцикл внутрь и вырубил двигатель. Кум порывался помочь толкать, но Лыков наотрез отказался. Он вдруг подумал, что кум, хоть и пьяный, может услышать пленника, коль тот не удержится, различит шаги и примется звать на помощь.

Они, матерясь, попытались водрузить ворота на место, но получилось только прислонить створку к столбу. Решили, что исправят после, когда протрезвеют. Попрощались, махнув друг другу через получившуюся щель, и Лыков потолкал "Спутник" вдоль бывшей электрической подстанции и домика, в котором когда-то располагалась дирекция и ветеринарная служба. От этого места было видно, как далеко из-за рощи, откуда-то вверх по течению от того места, где Войнинга впадает в Судогду, поднимался и наползал на поле и Подолье густой, словно вытопленный из домашней тушёнки, жирный туман. Часть Подолья уже скрылась внутри него.

Толкалось легко. Он миновал все три корпуса фермы, придерживая тормоз, спустил мотоцикл к самому лазу на свой участок. Отодвинул было забор, но в этот миг кто-то, может быть, близнецы или даже сама Наталья

Николаевна, включил фонарь. Лыков нетрезвым умом понял, что грохотать железом, втаскивать мотоцикл на задах участка, когда тот, кто включил свет, войдёт на двор, не следует. А если Наталья Николаевна увидит, как он пьяный тащит технику мимо бани, не дай Бог, заезжая колесом коляски на клумбы, будет скандал, и все наладившиеся было отношения окажутся похерены. И вообще, затея попасть на собственный двор со стороны фермы начала казаться ему совсем уже дурацкой. Стоило вернуться той же дорогой, которой приехал, либо оставить мотоцикл во внутреннем дворике между корпусами, куда выходило окошко темницы. Это чтобы утром моцик не предстал во всей красе перед удивлёнными глазами работников пилорамы. Чертыхаясь, посколькузнувшись несколько раз и ударившись в мягкую влагу полегшей прошлогодней травы, промочив и испачкав глиной брючины на коленях, он снова вытолкал мотоцикл наверх. Если бы не туман, Лыков с мотоциклом оказались бы на фоне кирпичной стены фермы, как на сцене в деревенском клубе. Но туман уже поглотил край Селядино, дальний конец картофельного поля, и лишь бело-жёлтый шар фонаря сопротивлялся его победному молчаливому наступлению.

Он отвёл "Спутник" за первый корпус и поставил точно в середине внутреннего дворика. Порывшись в люльке, вытащил фонарь, ещё одну бутылку водки и банку маринованных огурцов, которую забыл достать у кума на кочегарке.

— Эй, узник херов! Сейчас приду к тебе. Просьпайся! — крикнул он, не опасаясь, что его услышат в деревне. Туман опустился столь густой, что заглушал вечный визг пилорамы. Доски, поставленные закрывать дверь от случайного взгляда, он пнул ногой, те с грохотом упали. С замком пришлось повозиться. С пьяных глаз Лыков никак не мог понять, в какую сторону крутить ключ. Наконец, сообразил, что пытается открыть ключом от собственных ворот, матюгнулся, выбрал из связки другой и отпер дверь.

Пленник лежал, укрытый одеялом с головой.

— Мёрзнешь, что ли? Подъём! Совесть твоя пришла.

Лыков поставил водку и банку с огурцами на край плиты, а сам плюхнулся на стул. Человек зашевелился, из-под одеяла показалось его заспанное лицо, он попытался заслониться от фонаря, но Лыков специально слепил пленника.

— Нет, посмотрите! У него тут курорт! Ничего не колышет говнюка. Спит. Ничего не грызёт внутри, не беспокоит. Жопу помыл, пожрал, спать лёг. Курорт подонку устроили, на всё готовом. Лежит, ждёт, когда путёвка закончится, и он к папочке поедет. Папочка тебя по головке гладить будет? Похвалит тебя, поди, что сынок у него такой сообразительный. Сообразил, как денежку зарабатывать. Хочешь, говнюк, к папочке?

— Умер, — слышимся голосом проговорил пленник.

— Что ты там бормочешь? — не расслышал Лыков.

— Говорю, умер отец. Давно. Десять лет как умер от инфаркта.

Лыкову вдруг стало стыдно. Он повернул фонарь на стену.

— Будешь? — Лыков показал бутылку. Тот кивнул.

Лыков выудил двумя пальцами из кармана стопку, налил, протянул пленнику. Налил себе.

— За что пьём?

— За свободу.

— За свободу, — рассмеялся Лыков. — Ну, да. За неё и стоит пить. Свобода — самое важное. То одно человека закабалает, то другое. Вроде и свободен, а душа не на месте. Значит, где-то что-то тебя прихватило, держит. А так чтобы совсем, как ветер, такого и не бывает. Ответственность, всё такое. Но ты прав. Давай!

Они выпили. Лыков подцепил огурец из пакета и дал пленнику. Тот откусил половину и стал громко хрумкать. Лыков наполнил стопки.

— Давай. Не чокаясь. За тех, кого с нами нет. За Алима Абидовича! За гражданина Хачатурова!

Пленник закашлялся, чуть не пролил.

— Вы его...

Некоторое время Лыков пьяно смотрел на человека в углу, пока не понял, чего тот испугался. Тряхнул головой.

— Пусть живёт пока. Просто поговорил. Но дал понять, что, если что не так... — Лыков поднял руку огромной ладонью вверх, сжал пальцы и потряс кулак, словно в нём была зажата шея прораба. — Скажи мне, оборотень в погонах, как там тебе, Астудин Алексей Иванович. Ты, поди, и не узнал меня. А мы встречались. Только не помнишь. А я помню. Вроде не злопамятный, а помню. И знаешь, почему? А всякий раз, как рожу свою в зеркале вижу, так и вспоминаю. Это же ты, поганец, мне рукояткой пистолета переносищу проломил.

По лицу пленника Лыков видел, что тот силится, но никак не может вызвать в памяти лицо тюремщика. Лыков стал рассказывать про красную “мазду”, которая чуть не сбила на переходе человека. Про водителя, который вместо извинений достал пистолет и человека старше него заставил размазывать кровавые сопли. Про то, как ненавидит тех, кто решил, что им всё позволено, папочкиных сынков на хороших машинах да с ксивами. Много говорил. Два раза, пока говорил, выпивал полную стопку, не закусывая. Наконец, выдохся. Устал. Положил руки на колени и, опустив голову, надолго замолчал. Слышно было, как глухо гудит пилорама.

— Простите, Альберт Михайлович. Простите меня и отпустите. Я никому не расскажу. И дела никакого не будет. Вообще ничего. Своим наплету, что заболел в гостях, позвонить не мог. Отпустите.

Лыков посмотрел на пленника, словно на кошку, которая вдруг заговорила. Мотнул головой. Усмехнулся.

— И то верно, что тебя держать. Денег мне твой Алим заплатил, договора липовые все у меня. Завтра, когда посветлее будет, вытащу тебя на свежий воздух, причешу и запишем интервью на камеру, расскажешь, как с подельником решили честного человека обмануть. И выложим это всё, Алексей Иванович, в интернет. Потом можешь идти на все четыре стороны или на остановку автобуса. Только, чур, не плутать! А там, как повезёт. Повезёт, и дальше будешь жить и работать, а не повезёт, так вначале уволят, а потом и на зону пойдёшь. Много кто обидчика по записи узнает. Не первый же я у тебя. Думаю, лет на десять наберётся. А глядишь, что и посерьёзней откроется. Таких поганцев, как ты, жадность всегда подводит. Хотите, чтобы больше было, больше...

Лыков покрутил в руках бутылку и поставил обратно.

— Оставляю тебе. Согревайся. Бывай!

Выпил Лыков крепко. До дома добрался, что называется, на автопилоте. Разделся, покидал вещи в угол. На шум вышла Наталья Николаевна, припихалась и с горечью махнула рукой:

— Бухарик!

Он не стал спорить. Рухнул на кровать, укрылся с головой и сразу провалился в сон.

5

Проснулся Лыков как-то резко от того, что не то задохнулся, не то наоборот — слишком надыхался воздуха. Стрелки настенных часов показывали половину пятого. На улице протяжно и отчаянно выл кобель Лёня. Самое дурацкое время, когда грань между жизнью и смертью вроде как и пропадает. И страшно то, чего обычно даже не замечаешь, и мерзко то, что если не любишь, то чего-то желаешь... Страшное время, особенно, если накануне перебрал. Лыков сел на кровати, нацупал на столе рядом чашку, но та оказалась пуста. Дверь отворилась, появилась Наталья Николаевна в розовой пижаме.

— Иди кобеля своего уйми. Второй час округу изводит. Опять, наверное, течка у кого-то. Всё ждала, когда проснёшься. А ты храпишь, как слон, и не просыпаешься.

Лыков поднялся с кровати, натянул комбез, сверху свитер и вышел во двор. Туман между кустами и деревьями висел такой густой, что ни будка, ни баня, ни даже дверь в сарай не были видны. Только слышалось, как кобель

в иступлении царапает когтями шиферную крышу будки. Лыков подошёл, присел на корточках. Пёс сразу уткнул ему морду подмышку и замер. Он так всегда делал, когда волновался. Надо было позволить Лёне надыхаться запахом хозяина, тогда тот успокаивался. Наконец, пёс вынул голову, посмотрел на Лыкова, лизнул его в нос, закрутился на месте, устраиваясь, и прилепился, положив морду на передние лапы.

— Вот и хорошо. Вот и умница!

Лыков потрепал Лёню по загривку и поднялся с корточек. Неожиданно сам всполошился, забеспокоился — закрыл ли вчера дверь на замок? И сразу показалось, что не закрыл. А ведь мог и не закрыть. Пьян был, как через двор шёл да в дом входил, и не помнит. Внутри затрясло-заколотило, не то с похмелья, не от волнения. Лыков откашлялся, потёр ладонями плечи, оглянулся на виднеющееся сквозь туман освещённое окно клетки и, приняв решение, двинулся по тропинке к лазу.

Светало, но туман и не думал рассеиваться. Лыков поднялся по скользкой от влаги траве, прошёл вдоль стены первого коровника, завернул во внутренний дворик. Там кто-то был. Он увидел тёмный силуэт в середине двора, замер. Чёрт! Да это мотоцикл! Лыков рассмеялся, подошёл, покопался в люльке, нашёл давешний фонарик, который по привычке сунул вчера на место, добрался до темнеющего в тумане проёма двери.

Всё было в порядке. Дверь оказалась заперта на замок. Он уже собирался вернуться домой и лечь спать, как что-то его насторожило. Пилорама! Да! Пилорама не работала. Стояла полная тишина. И в этой тишине слышался только звук падающих откуда-то капель. Чуть помешкав, Лыков достал ключи и, отперев злосчастный замок, толкнул дверь. Луч фонаря высветил в углу скамканное одеяло. Сильно пахло водкой.

— Эй! — позвал Лыков. — Похмелиться осталось? Не всё выжрал? Ты где, Алексей Иваныч? На очке, что ли?

Никто не ответил. Лыков прошёл дальше вдоль цепи до уборной, но и там никого не было. Под ногой хрустнуло стекло. Лыков посветил вниз, наклонился, увидел осколки бутылки и разрезанный пластиковый хомутик.

— Ах, ты ж!

Лыков бросился вперёд, луч света от фонаря заметался из стороны в сторону, выискивая беглеца. Куда? Куда делся? И тут Лыков увидел валяющуюся чугунную трубу, стоявшую ранее в уборной. Он поднял глаза и на высоте двух метров от земли обнаружил человеческие ноги, торчащие из того самого узкого окна, которое выходило куда-то к стойлам. Стало ясно, что пленнику удалось этой самой трубой выбить решётку. И если бы не Лёня со своим воем, то беглец бы уже скрылся. Лыкову просто повезло, что он появился в момент побега.

— Стоять, сука! — Он схватил ближайшую ногу, но пленник даже не дернулся. — Говорил, попытаешься сбежать, покалечу? Говорил?

Беглец не издал ни звука. Лыков дотронулся рукой до оголённой щиколотки. Она показалась ему холоднее, чем должна была быть. Ещё не до конца веря в произошедшее, Лыков лихорадочно соображал, как попасть в то помещение, в которое выходило окно. Он выскочил в коридор, перешагивая через завал, ринулся вперёд до весовых, оттуда налево, упёрся в стенку, вернулся обратно в коридор. Попробовал направо, попал в огромный зал со стойлами, расчерченный трубами. Здесь выхода налево не было. Лыков вновь вернулся в коридор, потом выбежал во двор, пошёл вдоль стены до входа в первый коровник. Нашёл его, дверь оказалась завалена изнутри. Он выбил её несколькими ударами ногой. Там был такой же коридор, как и во втором корпусе. По этому коридору, освещая себе путь фонариком, Лыков добежал до первого поворота направо. То, что он увидел, вызвало у него приступ рвоты. Беглец безжизненно свешивался из окна. От его безвольно опущенных рук до земли оставалось около полутора метров. Стена вся была в густой крови. И на полу той крови натекла огромная лужа. Пытаясь выбраться, пленник насадил себя, как на булавку, на торчащую из проёма окна арматуру, к которой была приварена решётка. Видимо, стараясь освободиться, он пропорол вену в паху и в считанные минуты истёк кровью.

Лыков тихо взвыл от ужаса, жалости и невозможности что-то исправить. Почему-то резко вспомнилось, как тонул он в Войнинге, в реке, в которой и купаться-то стыдно, не то что тонуть. Местами если не по колено, так по пояс, а если какой омут, то его ещё найти надо умудриться. Как-то купались с парнями у самого моста, прыгали со столбов в воду. Там труба металлическая под водой проходит. Внутри трубы кабель. И все местные про ту трубу знают, да и видна она не только в солнечный день, а и в пасмурную погоду, потому что почти у самой поверхности. Бывает лето без дождей, так по ней мыши с одного берега на другой перебегают, потому что из воды торчит. Вот о ту трубу как-то неловко ногой зацепился и соскользнул на вздохе, хватанул воды, да не мало-мало, а так, что больно в груди стало. Руками замаяхал, а парни решили, что дурачится, айда подныривать, да за ноги вниз тянуть. Ему и не вздохнуть, и грудь разрывает, в глазах темнеет. Ещё чуть, и совсем сознание потеряет, и так в макушке горячо, хотя и в воде она. Рванулся из последних сил, кому-то из приятелей пяткой в лицо попал, но на поверхность выскочил, об опору старого моста брюхо разодрал, но выбрался. До берега добрёл, упал ещё в воде на колени, выблевал. На локтях уже до берега, там за осоку подтянулся, выполз. Сзади тот, кому в лицо попало, матюгается, грозит. А Лыкову как небеса перед ним раскрылись, и голос какой или плач с неба. Выполз на пляжик, да тут сознание и потерял.

И сейчас Лыков сел на корточки у стены, схватился за голову, и казалось ему, что утоп. И уже не выплыть. Только ни голосов, ни плача. Тишина ватная.

Просидел в полной тишине Лыков долго, пока не унялась рвота и не затекли колени. Встал, вернулся в бункер за стулом и одеялом. Стараясь не касаться стены, забрался на стул и аккуратно снял покойника со штыря. Тело показалось Лыкову совсем лёгким. Может быть, крови много вытекло, может быть, только показалось, а может быть, это от волнения. Расстелил одеяло в коридоре на грязном кафеле, принёс труп, уложил, завернул и заматал полуметровыми отрезками кабеля ВВГ два на полтора, моток которого всегда возил с собой, если понадобится для коммутации на заказах.

Когда Лыков укладывал похожий на гусеницу свёрток с мёртвым человеком в коляску, уже совсем рассвело. Однако туман держался. Торопясь покинуть ферму незамеченным, Лыков почти бегом толкал мотоцикл к воротам. С каким облегчением он вспомнил, что накануне им с кумом не удалось повесить створку обратно на петли. Поднатужившись, Лыков отвёл её в сторону и выкатил “Спутник” наружу. Слава небесам, туман был ещё столь густой, что и здание амбулаторий, и многоквартирные дома, те, что отапливались кочегаркой, были не видны. Кое-как примостив ворота на место, Лыков завёл двигатель, чтобы не пришлось толкать мотоцикл вверх по бетонке до кочегарки кума.

Эти окаянные дни, когда пленник был ещё жив, и Лыков мучительно раздумывал, как же ему выбраться из ситуации, нет-нет, да и приходила ему в голову грешная мысль. А за этой грешной мыслью он, морщась, словно от зубной боли, придумывал: “А, собственно, куда его девать?” — взвешивая варианты. Сперва он представлял себе, как копает яму в лесу, потом как бросает свёрток с моста в Судогду или Клязьму, отвозит на мусорную кучу за Владимир. В каждом таком способе был изъян. В конце концов, он запретил себе думать о том, чтобы лишить пленника жизни, смиренно решив покориться судьбе и ждать, что оно как-то само управится. А вчера, после второй бутылки, глядя, как кум лихо забрасывает уголь в топку, он вдруг понял, что это лучший и самый простой способ. Улыбнулся, даже рассмеялся, чем вызвал дружеский мат кума:

— Чо ржэш? Я на тебя посмотрю, когда целый день лопатой помахашь. У меня сутки только начались. Завтра ещё уголь кидать. Если всю кучу не спыхаю, — кум показал рукой, на внушительную гору угля, — на следующий год к херам урежут. Мне по херу, а чмарёвские помёрзнут. А помёрзнут, мне и сменщику звездюлей на хер выпишут. Вот и не по хер сразу.

Лыков подъехал к котельной и заглушил движок. Дверь оказалась незапертой. Внутри было так же, как он оставил вчера. На столе — тарелки

с остатками картошки и пустые консервные банки, полные окурков. Кум спал на диване, завернувшись в ватник. Тихо позвал его по имени, но тот продолжал заливисто храпеть. Лыков аккуратно раскрыл дверцу топки. Внутри переливалось малиново-алое марево. Через три минуты всё было кончено. Зря Лыков волновался, что дверца топки слишком мала.

Он сел к столу. В бутылке оставалось чуть меньше половины. Лыков налил в давешнюю кружку, сходил к стеллажу, достал сало, отрезал тонкий кусок. Выпил и смачно закусил. В кочегарке было тепло, пахло дымом, спиртом и хлебом. Уютно храпел кум. Допив водку, Лыков вытянул ноги и смотрел на красные искорки, выскакивающие через решётку колосника. Часа через полтора он взял брезентовые перчатки, заткнутые за батарею, раскрыл топку и уже без страха заглянул внутрь. Белые огоньки пламени вырывались из-под того, что когда-то было человеком. Это было похоже на остов корабля, может быть, даже “летучего голландца”, зачем-то улыбающегося волнам. Лыков пошурудил стальным прутом, и фантом распался в блёстках и фонтанах искр.

Лыков вышел из кочегарки, аккуратно притворив за собой дверь. Пошатываясь, он выбрался на перегиб, за которым заросшая прошлогодней осокой да цикорием дорога двумя мокрыми колеями спускалась вниз. Она шла мимо забора выпаса и где-то возле кучи белой лапши из отходов пилорамы раздваивалась: наверх — в Селядино и вниз — в Подолье. Туман почти рассеялся, лишь клочки его, налитанные пеплом и гарью из трубы кочегарки, подобно ленивым облачкам, решившим вдруг, что не надо никуда плыть, торчали в иероглифах прошлогоднего терновника. И там, внизу, в зоне рискованного земледелия, то появлялась над тропой, то вновь пропадала кудлатая спина кобеля Лёни, спешащего в соседнюю деревню к своей собачьей любви.